

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

АНТОН ДЕМЧЕНКО
ЗАПЕЧАТАННЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Воздушный стрелок

Антон Демченко

**Воздушный стрелок.
Запечатанный**

«АЛЬФА-КНИГА»

2019

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Демченко А. В.

Воздушный стрелок. Запечатанный / А. В. Демченко —
«АЛЬФА-КНИГА», 2019 — (Воздушный стрелок)

Мир, удивительно похожий на земной. Во многом похожий, но разительно отличающийся несколькими контрастными чертами. Например, в нем правит магия и существует рабство, в которое можно попасть еще ребенком, а заработать свободу ох как непросто. Вячеславу Стрелкову, рабу и сыну рабыни, обладающему покалеченным, запечатанным внутри него Даром стихийника, очень хочется обрести свободу: и для себя, и для младшей сестренки, тоже рабыни с детства. Но для этого парню придется пройти через такое... от чего в его шестнадцать лет и поседеть можно вмиг.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Демченко А. В., 2019
© АЛЬФА-КНИГА, 2019

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Антон Демченко

Воздушный стрелок. Запечатанный

Часть первая

Глава 1

Бег, он бывает разный

Вячеслав привалился к уцелевшей стене дома в небольшой, явно недавно выжженной дотла деревушке и, коротко оглядевшись по сторонам, сполз на холодную промерзшую землю, наплевав на грязь и холод. Ноги его попросту больше не держали, и немудрено. Сутки бега без сна и отдыха доконают любого тренированного одаренного, что уж говорить о шестнадцатилетнем мальчишке, собственных сил которого не хватит даже на вызов легкого ветерка...

Отдышавшись, юноша устало вздохнул и попытался встать на дрожащие после долгого бега ноги. Не сразу, но ему удалось пересилить навалившуюся усталость и, поправив рюкзак, подняться с земли. Солнце уже давно окрасило небо в алые цвета, а значит, пока окончательно не стемнело, нужно искать место для привала. Конечно, сожженная деревня – не лучший отель в окрестностях, но на большее Вячеславу сегодня рассчитывать не приходится. Остается только надеяться, что здесь найдется хоть одно уцелевшее здание, в котором он мог бы отдохнуть, не рискуя принять душ с неба. Хотя по времени года стоило бы ждать снегопада... Оттепель. Но, к удивлению Вячка, такой дом нашелся. Стоящий на отшибе и потому уцелевший сарай, покосившийся и поросший мхом. Перекошенный, щелястый... зато сухой внутри.

Следующие полтора часа беглец убил на подготовку места для отдыха. Сидеть на утоптанном земляном полу совсем не улыбалось, так что пришлось сделать несколько ходок в ближайший лесок. На лапник, правда, рассчитывать не приходилось, но что уж тут поделать, хоть какая-то подстилка ему все равно нужна, и если уж в лесу не нашлось ни одной елки, придется обойтись тем что есть. В ход пошли ветки кустарника, молодых деревьев и... мох. Благо за ним даже не пришлось далеко ходить, на стенках сарая этого добра хватало. К тому моменту, когда юноша закончил работу, долина уже погрузилась в ночную темноту, а на неожиданно прояснившемся небе высыпали мириады звезд. Впрочем, самому беглецу не было никакого дела до раскинувшейся над землей красоты. Все что его волновало сейчас, это костер, с великой предосторожностью разведенный прямо в сарае, для чего пришлось устраивать вентиляцию в крыше; голод, с которым он справился, выудив из тощего рюкзака военный сухпак; и сон... который все не шел. Юноша лежал на подстилке у костра, завернувшись в плащ-палатку, сжимая цевье автомата, и пялился в жердяной потолок, а перед его внутренним взором вырванными из киноленты кадрами мелькали воспоминания о давних и недавних событиях, чередой которых и привела его в это незавидное положение.

Хотя, если подумать, а когда оно было иным? Сын контрактной девки, один из доброго десятка «волчат», живущих при борделе тетушки Риты. Да-да, «добрая-добрая» Маргарита, позволяющая своим «фейкам» рожать и «дающая несчастным детишкам кров и стол», которые надо отрабатывать. Понятное дело, что совсем маленьких детей никто работать не заставляет, но тетушка Рита ведет скрупулезный подсчет всех расходов и, когда ребенку исполняется шесть-семь лет, предъявляет ему счет. О нет, никакой похабщины и извращений. Маргарита содержит респектабельное заведение и связываться с откровенной чернухой совершенно не желает. По крайней мере, на виду.

Просто, начиная с этого времени у мелкого обитателя Заднего двора, как именуются частные владения хозяйки борделя, появляются первые обязанности из разряда «подай-принеси-пошел вон». Дальше – больше. Чем старше становится ребенок, чем он сильнее и выносливее, тем больше ему достается работы. В девять-десять лет мальчишек отдают в обучение. Одаренных натаскивают в эфирных техниках, целительских или сенсорных, неспособных же ждут занятия по более приземленным специальностям. Девчонки остаются на Заднем дворе, на хозяйстве.

Во владениях Риты вообще все домашние работы выполняют дети ее «феек», взрослых в жилой части дома нет в принципе. Любит сорокалетняя бандерша окружать себя детьми, изображать из себя милосердную, за что и получила прозвище Добрая. Что совершенно не мешает ей отбирать из обитающих в ее доме тринадцати – пятнадцатилетних девчонок самых смазливых и заключать от их имени контракты с коллегами... проще говоря, продавать в бордели. Схожая судьба ждет и подрастающих «волчат», разве что продает их Рита не для постельной работы, а в отряды наемников и мастерские согласно полученным специальностям.

Такая же судьба ждала и Вячеслава. Впрочем, если собственное положение будущего оружейника не особо-то и тяготило, то перспективы, маячившие перед его младшей сестрой, заставляли скрежетать зубами от злости и бессилия. Анна и в детстве выглядела маленьким ангелом, а когда подросла... Перед внутренним взором Вячка встали воспоминания почти двухгодичной давности.

Вот одиннадцатилетняя девочка выбежала во двор, пожелать доброго утра и проводить до ворот собирающегося уходить на занятия брата. Тоненькая, гибкая, в золотых волосах словно солнце лучами запуталось, а в голубых глазах так и пляшут смешинки. Вячко улыбнулся, поднял девочку на руки, закружил и, чмокнув в нос, собрался выйти за калитку, когда по его чувствам словно резануло ножом. Оглядевшись по сторонам, Вячеслав заметил стоящую на балконе хозяйку... и ее расчетливый взгляд, которым она буквально буравила Анну. Такой же взгляд бывал у Риты, когда она выбирала очередную работницу для своего заведения. Вячеслава передернуло. Такой судьбы своей сестре он не желал, хватило и матери, не дожившей нескольких дней до восьмого дня рождения своего второго ребенка, сгинувшей в пьяном угаре гуляющих после удачного контракта наемников. Осознание грядущего словно ударом молота отпечаталось в разуме мальчишки, породив стремление любой ценой переломить судьбу, уготованную его сестре долбаной Паучихой, и не позволить ей продать Анну в бордель, чего бы ему это ни стоило!

В тот день мастер-оружейник орал на накосячившего в работе Вячеслава как никогда прежде, а его обычно внимательный и почтительный ученик только кивал не в такт, мыслями явно пребывая где-то не здесь, за что и отхватил знатного леща. Но даже порка, заданная учителем, не смогла привести заторможенного юнца в порядок. Что в этот день, что всю следующую неделю мальчишка стабильно портил собственную работу в двух случаях из пяти. Так что к концу недели старик уже даже начал сомневаться в ученике, прежде показывавшем немалое рвение в работе с рунными цепями и огромный талант в ремонте любого стреляющего железа.

Учитель даже пожалел в какой-то момент, что допустил Риткиного «волчонка» до банального «отстрела» отремонтированной в мастерской стрелковки, нарушив тем самым договор с его хозяйкой, один из пунктов которого прямо запрещал учить мальчишку обращению с личным оружием, от «Эллиота» до автоматических стрелометов и снайперских комплексов включительно. Все что тяжелее – пожалуйста, но легкая стрелковка была под полным и категорическим запретом. Бойтся Ритка... хотя с чего бы ей опасаться парня? Вячко не дурак, прекрасно понимает, что без помощи бандерши и учебы у Герхарда он просто сдохнет в первой же канаве... А что такое благодарность, мальчишке известно, это старик замечал, и не раз. Конечно, добротой Вячко не дышит, так ведь и жизнь на дне местного общества совсем не

сахар; но он не паскудничают и не крысятничают, добро помнит. Перестраховывается Рита, ну и пусть ее. В бабьих вывертах сам черт ногу сломит, а уж с этой стервой он и рога обломает.

А спустя неделю ученик пришел в себя, перестал допускать нелепые, «детские» ошибки в работе, и одолевавшие старика сомнения растаяли, как первый снег под солнцем. Быстро и без следа. А когда ученик сумел самостоятельно разобраться в переплетении совершенно нестандартных рунных цепей расколотого узла ускорителя, сделанного для коллекционного штуцера, пылившегося в запасниках мастерской уже добрых двадцать лет, Герхард дал себе слово, что сам выкупит контракт мальчишки у Ритки, сколько бы денег та ни запросила. Отдавать такой самородок наемникам, у которых он будет заниматься чисткой амуниции да редкими ремонтами всякой ерунды, пока не сдохнет в очередном походе, значило закопать талант в землю. А этого старый мастер допустить не мог.

В тот день в голове Вячеслава родились первые наметки плана, и начался его невидимый бег наперегонки со временем. Год-два – это все, что у него есть, пока Паучиха не подпишет контракт и не продаст Анну в бордель. В своем заведении она ее точно не оставит, это правило Маргарита никогда не нарушает. Ни одна девчонка с Заднего двора никогда не будет работать в ее борделе. Равно как и ни один из «волчат» никогда не отдается в учебу на боевую специальность. Даже одаренных натаскивают только на Эфир, никаких стихийных техник. Бережется, старая тварь.

Заработать денег на выкуп? Как?! Все, что Вячко получает от старого Герхарда, с тех пор как старик перевел его из прислужника в ученики, уходит на оплату процентов по «долгу» Рите. Фактически денег у него нет вообще. Да что там – одежда, которую он носит, и та получена у Ирмы, кастелянши Заднего двора, а значит, тоже взята в долг.

Попытаться найти подработку? Не вариант. Время учебы и работы расписано по минутам, частые задержки тут же вызовут вопросы у хозяйки, а уж информацию Паучиха добывать умеет. Как результат, заработанные деньги у него отберут; добром или кулаками – не суть важно. Да и сама подработка... чинить оружие, настраивать боевые комплексы – это неплохо, конечно. Но кто ж допустит чужого непроверенного человека, тем более мальчишку, до такой работы с личным оружием, от которого в здешних местах частенько зависит собственная жизнь владельца? Нет, это только через мастерскую или по знакомству. Пусть знакомые у него есть, благо не первый год работает у Герхарда и успел узнать всех его постоянных клиентов. А где взять инструмент, расходники? Тоже у Герхарда? Ну да, и работать за его верстаком, конечно. Хороша подработка... Да старик его сразу вышвырнет! Вот были бы свои клиенты... тогда да, можно было бы попробовать договориться с учителем хоть на половинную долю. Но это уже мечты, взять-то тех клиентов негде.

Заняться поденкой¹? Не выйдет, этот рынок давно и прочно охвачен уличными бандами, а конкурентов, тем более одиночек, состоящие в них детишки давят беспощадно и без предупреждений. Заметят, что работаешь на «их» территории, тут же ткнут заточкой в бок в толпе, и амба. И что остается? Ничего... законного. Хоть с дубьем в подворотни иди... ага, до первого ловкача² или стихийника. Нет, на такой промысел он отправится лишь в крайнем случае и только со стволом.

Стоп. А если... Вячко встрепенулся и, быстро доев свой нехитрый обед, ринулся на задний двор мастерской и принялся рыться в «мусорном» контейнере, куда сваливалось все непригодное для ремонта железо, оказывающееся в хозяйстве Герхарда. Буквально месяц назад мастер купил для своей оружейной лавки полсотни ящиков с «динозаврами». А как еще назвать вытащенные из какой-то дыры времен Большой Балканской войны автоматы АКТ?

¹ **Поденка** – поденная работа, не требующая квалификации и специальных знаний или навыков, обычно низкооплачиваемая. – *Здесь и далее примеч. авт.*

² **Ловкач** – здесь: человек, виртуозно обращающийся с пистолетом или ножом. Аналог известных читателю ганфайтеров Дикого Запада.

И ладно бы они были «с хранения», так ведь нет! Такое впечатление, что это оружие выискивали по болотам и лесам, чтобы потом упаковать в «родные» ящики и привезти на продажу. Ржавые, с рассохшимися деревянными ложами, треснувшими прикладами и разболтанными замками... удивляла только полная комплектность всего этого «вооружения». В ящиках помимо самих автоматов нашлись и ЗИПы к ним, и даже ремни... гнилые большей частью. Вячеслав потратил неделю, просто чтобы отобрать годные для ремонта стрелометы. Тогда в мусор отправилось не меньше сотни убитых автоматов... и все равно Герхард не остался внакладе. Еще бы! За все это богатство он отдал тысячу шестьсот имперских крон. Много? Да, для Вячеслава сумма дикая, его нынешний ученический контракт, по признанию старика, стоит столько же. Но если прикинуть цену каждого ствола, получится по четыре кроны за автомат, без учета тех, что отправились на помойку. Четыре! При стоимости самого захудалого, но нового пистолета в лавках Пернау не меньше двухсот-трехсот крон. Конечно, эти автоматы столько не стоят, но если их привести в порядок, то уж сотню крон за каждый выручить можно. Но сейчас Вячко интересовали не они, а тот хлам, что забраковал Герхард после осмотра. И удача ему улыбнулась. Поднатужившись, мальчишка вытащил из контейнера первый ящик и поволок его под навес. Сорок пять килограммов в неудобном деревянном «гробу» – это не шутка, а уж для четырнадцатилетнего юнца и подавно.

За этим странным занятием его и застал хозяин мастерской, учитель и по совместительству работодатель.

– И чем это ты занят, шалопай? – В надтреснутом голосе Герхарда явно послышалась насмешка. Вячко обернулся и, окинув взглядом худого, словно щепка, высушенного солнцем и продубленного ветрами старика, возвышающегося на крыльце, ничуть не смутившись, объяснил. Бывший подданный Рейха выслушал мальчишку, задумчиво почесал как всегда гладко выбритый подбородок и неопределенно хмыкнул: – Когда я разрешал тебе брать любой мусор из этого контейнера для своих целей и без спросу, то никак не ожидал... такого.

– Герр Баум... – начал было Вячеслав, но старик перебил его, просто подняв вверх раскрытую мозолистую ладонь, широкую, словно лопата. Вообще, каждый раз глядя на руки учителя, парень удивлялся тому, как эти огромные грабли ловко и точно управляют с мелкими оружейными деталями. Но ведь управляют, и с успехом!

– Молчи. Я думаю. – Минута шла за минутой, а хозяин мастерской и магазинов подержанного оружия все молчал, но наконец придя к какому-то выводу, кивнул: – Идея хороша, если бы у тебя было на нее время. Но у нас с этими чертовыми автоматами и так скопилось слишком много дел.

– Я готов работать сверхурочно... – протянул Вячко и договорил уже почти еле слышно: – Если вы, конечно, согласуете это с хозяйкой Маргаритой.

Старик смерил его пронзительным взглядом водянисто-серых глаз, прищурился и... неожиданно улыбнувшись в седые, аккуратно подстриженные усы, медленно кивнул.

– Что ж, я услышал, – произнес он. – Заканчивай здесь и иди в мастерскую, обеденное время вышло. Поговорим вечером, у меня в доме.

Обычно ужинал Вячеслав в компании с другими работниками старика, продавцами и техниками, в ангаре или, если погода позволяла, в тени широкого навеса рядом с ним, после чего возвращался к работе в мастерской. Но в этот раз Герхард Баум нарушил сложившуюся традицию и, едва работники начали собираться к ужину, увел юного подмастерья в дом, где его супруга уже накрывала стол. Естественно, это действие не осталось незамеченным «коллегами», отчего за ужином у работников появилась новая тема для беседы, которую те и принялись дружно обсуждать, строя догадки и предположения о причинах приглашения мальчишки за стол хозяина мастерской.

– Смотри, подсидит тебя малец, а там и в наследнички старика пробьется, и будешь перед ним спину гнуть до старости, – хохотнул старший мастер, ткнув ложкой в сторону управля-

ющего. Тот натянуто улыбнулся, но глаза его недобро сверкнули. Как ни мала вероятность такого исхода, но и ее следует принять во внимание. Рисковать теплым местом Руперт не желал. В Пернау, конечно, работу для толкового и поворотливого человека найти не проблема, но и терять ее за здорово живешь управляющий не собирался. Впрочем, повода для беспокойства пока нет. Вячко слишком мал, да и опыта ему недостает. И пусть в технике и оружии он разбирается лучше многих, но, для того чтобы заменить на должности такого человека, как Руперт, этого мало. Нужны знания бухгалтерии, нюх на прибыль и умение ладить с людьми. А кто всерьез воспримет недоросля, если он не из дворян или бояр? Не бан, не пан – так, голь никчемная!

Пока же управляющий размышлял о своем шутейном сопернике, Вячеслав молча сидел за столом хозяина дома. Мерно стучали ложки о дно тарелок, потихоньку исчезал из хлебницы нарезанный солидными ломтями испеченный хозяйкой хлеб да тихо булькала бутылка, из которой герр Герхард подливал напиток в стоящую перед ним маленькую хрустальную рюмку на высокой тонкой ножке. Ужин так и прошел в молчании, а вот после него, когда супруга хозяина дома, фрау Малица, убрала со стола опустевшую посуду и скрылась за дверью кухни, старик откинулся на гнутую спинку стула и, окинув взглядом сидящего напротив мальчишку, кивнул.

– Итак. Я подумал о твоём предложении, – начал он. – Но прежде чем сообщу тебе своё решение, хочу кое о чём спросить и надеюсь на честный ответ с твоей стороны.

– Я слушаю, герр Герхард, – облизнув внезапно пересохшие губы, произнес тот.

– Зачем тебе это, Вячислау? – с прорезавшимся невесельем откуда акцентом, спросил хозяин. – Прежде ты не изъяслялся особой тяги к торговле и... обману своей хозяйки. Так что же изменилось? Только не вздумай врать, иначе на этом наш разговор будет окончен и, скорее всего, завтра ты будешь искать другую работу.

– Я... – Вячко покосился на старика, но лицо старого мастера было непроницаемым. Что он думал, о чём – было неясно, но, вспомнив, что Герхард всегда относился к нему достаточно тепло, мальчишка решился: – Я узнал, что в следующем году хозяйка хочет прода... заключить контракт на мою сестру, а ей всего одиннадцать. Я не хочу... не могу...

– Лядова тварь! – не сдержался старик, но тут же взял себя в руки. – Значит, решил спасти сестру от участи шлюхи? Молодец. А как объяснишь Ритке, где ты взял деньги, учитывая, что по ряду ты обязан отдавать ей весь заработок, в счёт долга и оплаты проживания? Вячко, она обвинит тебя в крысятничестве и будет права. Формально.

Вячеслав застыл. Это был полный провал...

Добрая Рита, Паучиха, хозяйка Маргарита... все эти имена и прозвища никак не описывают одну, но довольно важную черту бандерши. Она жадна! И один только этот факт ставит крест на затее Вячеслава. Стоит ему заявиться к хозяйке борделя с деньгами и предложением о выкупе контракта сестры, как он тут же лишится первого и может навсегда распрощаться с надеждой на второе. «Воровства» из её кармана Паучиха не потерпит и в отместку обязательно устроит Вячку огромную кучу неприятностей. Но как он мог позабыть об этом, как мог не учесть такое очевидное препятствие?!

И ведь прав старик. Хозяйка будет в своём праве. Не отдать ей деньги сразу самому – значит утаить доход. А это даже не штраф, это прямая дорога на вечный ряд. И хорошо если бандерша будет сдавать его в аренду в мастерские, может ведь и на «постельную» работу отправить, и не к уставшим наёмникам, желающим расслабиться после боевого выхода, это он бы ещё как-то вынес, наверное... а... брр, даже думать противно. Извращенцев-то на свободных территориях хватает, им здесь сплошное раздолье. Не везде, конечно, но Пернау как раз в число этих «раздольных мест» и входит. Понятное дело, что терпеть *такое* Вячко не станет. Даже если сбежать не сможет – остановит себе сердце, и всё, на это его невеликих сил точно хватит, но чем это поможет сестре и что с ней станет после смерти единственного родного человека в этом проклятом мире? Дьяволыщина!

– Вижу, ты понял... – медленно произнес Герхард.

– Может, мне удастся уговорить кого-нибудь выкупить ее контракт?.. – пробормотал мальчик, сам прекрасно понимая, что шанс на удачу в этом вопросе стремится к нулю. Нет у него знакомых, которым он мог бы доверить такое дело. Просто нет, и все. В Пернау вообще немного честных людей. Точнее, честных с чужаками... которым он и является для подавляющего большинства жителей этого поганого городка! Не родня, не друг, не компаньон и не сокомандник... не свой. А значит, и рассчитывать, что согласившийся ему помочь не воспользуется возможностью облапошить малолетку, не стоит.

– Знаешь, Вячко, – неожиданно прервал грустные размышления ученика Герхард, – я тобой доволен.

– Чем? – скривился тот.

– Тем, что, узнав о возможном будущем сестры, ты не стал делать глупости, а попытался сначала разрешить ситуацию мирно, – проговорил в ответ старик. – Да, не получилось. Пока. Но кто сказал, что подобные вопросы вообще можно решить одним лихим кавалерийским наскоком?

– И... и что мне теперь делать?

– Думать, Вячеслав. Прежде всего – думать. – Хлопнув по столу ручищей, заявил учитель и, с усмешкой подмигнув, добавил: – Ну и копить деньги, конечно. Лишними они всяко не будут. Это, если ты не понял, я тебе добро даю на затею с переделкой автоматов. Но восемьдесят... ладно, семьдесят процентов от продажи – мои. Недостающие детали – за мой счет, но работать будешь один, сверхурочно. Усек?

– Усек, – со вздохом кивнул тот, но мысль о бесполезности этой затеи так и не покинула голову Вячеслава.

– Не вешай нос, мелкий. Если не видишь решения проблемы сейчас, это еще не значит, что такового вообще нет в природе, – успокаивающе прогудел старик и, глянув на часы, покачал головой. – Вот что, иди-ка ты работать, пока мастеров не разозлил. Обидятся ведь, скажут, мол, посидел за столом с хозяином и зазнался, от работы отлынивать стал.

Поблагодарив за ужин и попрощавшись, Вячко выскользнул за дверь и отправился в ангар, где до сих пор, несмотря на подступающую ночь, кипела работа. Ничего удивительного: в Пернау рабочий день в лавках начинается поздно, но и заканчивается лишь незадолго до полуночи. Особенности жизни наемничьего города, куда деваться.

Оказавшись в привычной рабочей обстановке, Вячеслав все же смог временно выбросить из головы мысли о грядущих неприятностях и погрузился в работу, благо чего-чего, а дел в мастерской хватало всегда. Вот и сейчас, занимаясь разборкой очередного раскуроченного стреломета, принесенного в мастерскую незадачливым владельцем, Вячко отвлекся от дурных мыслей. И даже, по ходу дела, начал прикидывать, с чего начать работу над «воскрешением» вытащенных со свалки стволов. Первым делом следовало разобраться со ржавыми стволами и затворными механизмами, а потом можно будет заняться и основными доработками.

Вообще, автомат АКТ (автоматический карабин Теньковского) – весьма странный механизм. Первый образец по-настоящему ручного автоматического оружия, он и выглядит как положено «первенцу». Неуклюжий и даже на вид неудобный, этот образец военно-инженерной мысли получил в свое время то же прозвище, что и распространенный в средневековье меч: «бастард», ублюдок то есть. И для этого были все основания. Имеющий вид классического горного карабина, АКТ выглядит откровенно странно из-за дырчатого кожуха на длинном стволе, для чего конструктору пришлось укоротить ложу, превратив ее в нечто несуразное. Что уж тут говорить про идиотский магазин на пятьдесят(!) стрел, торчащий снизу и придающий и без того не блистающему красотой оружию совсем уж неприглядный вид. Коряга, а не автоматический стреломет.

Понятно, что изобретатель и производитель выполняли заказ военных, которые хотели сохранить прицельную дальность стрельбы автомата, получив при этом возможность ведения автоматического огня, то есть возмечтали о ручном автоматическом стреломете, обладающем всеми положительными чертами их тяжелых собратьев. Учитывая, что о направляющих кольцах, как и об ускорителях, в то время никто и не помышлял, результатом первого опыта в создании подобного оружия стал тот самый АКТ с длиннющим, перегревающимся, но несменным стволом. Магазин же... ну, таким своеобразным способом инженер Теньковский попытался решить вопрос унификации боепитания. Иными словами, этот автомат не только использует стрелки стандартной размерности для ландвера, в то время вооруженного обычными карабинами Шонауэра и тяжелыми стрелометами Грунера, но и сам магазин автомата был взят именно с того самого тяжелого стреломета; его десантной версии, если быть точным. В результате получилась тяжелая, корявая, неповоротливая дура бешеной скорострельности, получившая в том же ландвере еще одно прозвище: «обжора». Неудивительно, что как только были разработаны и пущены в производство более совершенные модели автоматического стрелкового оружия – в частности, фабрики того же Грунера, как рейх постарался избавиться от «ублюдков»-«обжор», сбавив их в свободные территории, где в то время как раз началась повальная подготовка к большой войне.

И вот этих уродцев Вячеслав решил превратить в нормальное оружие, и у него были на это все шансы. Да, придется потрудиться, чтобы «оживить» затворы, но это самая сложная и долгая часть работы, а вот все остальное... Снять кожух, укоротить стволы с учетом применения направляющих колец и ускорителей, срезать к чертям приклад, приладив вместо него откидную «рогатку». Что останется? Разве только сменить пятидесятизарядную «дубину» магазина на более современную, так это тоже не проблема: фабрика Грунера до сих пор печет их как пирожки, причем самой разной емкости.

И в результате получится мощный, но довольно компактный автомат под весьма распространенный и уважаемый в среде наемников калибр. Что-то придется придумать, чтобы уменьшить темп стрельбы, но этот вопрос решаем либо механически, либо... с помощью рун. Второй вариант даже предпочтительнее, меньше возни с металлом. А питание рун? Ну направляющие и ускорители тоже придется от чего-то запитывать, а уж поиск места для установки пары-тройки кристаллов не должен стать проблемой.

«Домой» Вячеслав добрался уже далеко за полночь и, как обычно по пути в комнату, что он делил с двумя другими подростками, заглянул в комнату сестры. Знал, что она не будет спать, пока не увидит брата. Оказавшись у двери, ведущей в комнату Анны, Вячеслав привычно тихо трижды постучал по косяку. Не прошло и десяти секунд, как дверь бесшумно отворилась и на пороге возникла тоненькая фигурка сестры, облаченная в дешевую розовую пижаму. Сонно моргнув, девочка уткнулась носиком в грудь Вячеслава и, обняв его, тихо пробурчала что-то вроде «добрнчибртк».

– Доброй ночи, Аннушка, – тихо по-русски проговорил он и, погладив сестренку по голове, аккуратно и мягко отстранил ее от себя. – У тебя уже глаза слипаются. Иди спать.

– Иду, – сонно кивнув, девочка развернулась на сто восемьдесят градусов и исчезла за дверью спальни. Ну вот, ежевечерний ритуал выполнен, теперь и Вячко может идти на боковую... но сначала, душ.

С Доброй Ритой герр Баум договорился быстро и без эксцессов, так что уже со следующей недели Вячеслав стал дневать и ночевать в мастерской, работая над будущими автоматами, как они и договорились со старым оружейником, сверхурочно. Хозяйка же пребывала в уверенности, что Вячеслав занят восстановлением сожженной системы управления ракетного комплекса. Таковой действительно был в мастерской Герхарда, но вся работа с оплавленными «мозгами» установки свелась к замене вычислителя и установке стандартной программы управления, залитой из обширнейшей базы данных старика. Но любой любопытствующий,

заглянув в дальний угол на заднем дворе мастерской и увидев распотрошенный корпус, был бы абсолютно уверен, что работы над ним еще очень далеки от завершения.

Довольны оказались почти все: хозяйка борделя была удовлетворена внеочередным доходом с мальчишки, сам Баум ждал прибыли от продажи будущих автоматов, а Вячеслав помимо заработка радовался тому, что работа позволяет ему хоть ненадолго забыть о пресловутом контракте. Не рада была только Анна, лишившаяся ежевечерних встреч с братом. Правда, в выходные она отыгрывалась за долгую разлуку сполна, не отходя от Вячка ни на шаг. А тот вопреки обычным детским закидонам был только рад компании сестры, заодно пресекая любые попытки остальных обитателей Заднего двора посмеяться над ходящей за ним хвостиком Анной. Вот только мысли... Чертов контракт висел над душой дамокловым мечом, и, что с ним делать, Вячеслав пока так и не придумал, что, впрочем, не помешало ему продумывать не совсем законные методы освобождения сестры... на крайний случай. Самый крайний.

Старик, перед которым Вячеслав открылся, больше не поднимал эту тему, и сам мальчишка пока не рисковал подходить к нему за советом, понимая, что свои проблемы он должен решать сам, иначе в этом обществе не выжить. Полагаться на чьи-то слова стоит только в том случае, если человек входит в близкий круг, а какой может быть близкий круг у нищего паренька, пребывающего фактически в узаконенном рабстве у хозяйки борделя? Только такие же нищebroды и неудачники, но уж точно не хозяин известной на весь город оружейной мастерской и трех оружейных же лавок, одна из которых обычно торгует на сумму большую, чем две другие, вместе взятые. То-то и оно... между ними не одна ступень, а целый лестничный пролет. Да, для Герхарда проблемы Вячеслава смешны и не стоят выеденного яйца. Он мог бы одним щелчком пальцев решить вопрос, выкупив Анну и даже не ощутив при этом, как полегчал его кошелек. Но для чего? Какой ему толк от такой благотворительности? Никакого.

Да, он может повесить этот долг на самого Вячка, но... не станет этого делать, пока сам Вячеслав не попросит о такой услуге, став не просто должником, но обязанным Герхарду лично. И вполне возможно, что именно такого хода старик от него и ждет. Ну так что, можно его назвать человеком ближнего круга? Черта с два.

Но если иного законного выхода из этой ситуации Вячко не найдет, то кочевряжиться не станет и обратится с просьбой к хозяину мастерской, пусть даже ценой свободы сестры станет его собственная. Пусть так, эту цену он готов заплатить хоть сейчас, но... да, себе Вячеслав может честно признаться: он перестанет себя уважать, если так просто сдастся и пойдет по самому легкому пути. А значит... значит, думать-думать-думать, как и наставлял герр Герхард.

Старый мастер наблюдал за метаниями подростка и улыбался в усы, не обращая никакого внимания на ворчание супруги, явно недовольной поведением мужа.

Нельзя сказать, что фрау Малица была такой уж сердобольной женщиной. Она родилась и выросла в СБТ и была плоть от плоти этого жестокого места. Но в отличие от многих иных она смогла сохранить в себе воспитанную родителями мораль, и ей не нравилось, что супруг, тоже не отличающийся живодерским нравом, так легко играет на чувствах сущего мальчишки, попавшего в переплет. Правда, высказывать свое мнение на людях, пусть даже это и работники их семейного дела, женщина не торопилась, зато наедине... О да, ночная кукушка дневную всегда перекукует, а если у нее еще и пила имеется... В общем, в последнюю пару месяцев герру Герхарду пришлось несладко, и держался он, похоже, на одном лишь упрямстве. Но в конце концов все же не устоял...

А Вячеслав тем временем успел закончить работу над автоматами и даже провел их первичную пристрелку на стрельбище за ангаром. На это дело у него ушло не одно утро, а именно по утрам, до открытия мастерской и появления в ней работников, он приходил на стрельбище. Все же не стоило забывать о запрете хозяйки на обучение стрельбе. Ну да, пусть она продолжает свято верить в то, что оружейник может не уметь пользоваться плодами своих трудов; Вячеславу же лучше. Как говорил один наемник, частенько заглядывавший в бордель Доброй

Риты: «Камень за пазухой в поединке – путь к твоей смерти, а в подворотне – к спасению». И Вячко в это верит. Ну а что? Насчет использования камней в поединках он не спец, зато в подворотнях бывал не раз и может со всей уверенностью подтвердить: хороший камень в руке в таком случае только подмога. И порой немалая. Кое-кто из «уличных» мог бы это подтвердить... если бы был жив. А вот не стоило тем уродам лезть к Анне. И угрызения совести мальчишку не мучили. Собакам – собачья смерть.

Автомат щелкнул затвором и встал на боевой взвод. Примерившись, Вячеслав упер приклад в плечо и, выдохнув, осторожно нажал на спусковой крючок. Модернизированный АКТ отозвался резким, но негромким тьяканьем и короткой дрожью в руках. Подросток неопределенно хмыкнул и прильнул глазом к моновизору. Мишень, расположенная на предельном для обычных автоматов расстоянии в триста метров, порадовала его изорванным в лохмотья центром. Хорошая кучность. А вот скорострельность слишком... просто слишком. Надо бы замедлить скорость подачи заряда, хотя бы на четверть секунды. Кстати, о скорости...

Вячко взглянул на хронограф и, щелкнув древним переключателем, вывел на не менее древний плоский экран сводку по «отстрелу» последнего магазина. Результат порадовал не меньше, чем мишень. Ускоритель и направляющие кольца справились с задачей, поддерживая одну и ту же скорость полета тяжелых зарядов, изначально предназначенных для стрельбы на куда большее расстояние. Да и укороченный до предела ствол перестал перегреваться и влиять на точность и скорость полета заряда. В общем, можно сказать, задача выполнена. Жаль только, что из сотни имевшихся в распоряжении Вячеслава стволов спасти удалось лишь семьдесят два. Оставшиеся двадцать восемь были разобраны до последнего винтика и пошли донорами для восстанавливаемых машинок. Хотя правильнее было бы сказать модернизируемых, потому как то, что сотворил с неуклюжими уродцами Вячеслав, иначе как коренной модернизацией назвать нельзя.

Укороченные автоматы, снабженные металлическими откидными прикладами и уменьшенными магазинами, напрочь утеряти свой неуклюжий вид непонятных растопырок и стали выглядеть почти современно... Если не обращать внимания на оставшиеся деревянные части, вроде той самой несуразной, но оказавшейся теперь на диво удобной ложи и чуть коротковатой рукоятки, приобретшей, после ликвидации родного приклада-весла и обработки напильником, почти автоматный вид. Спасибо предусмотрительности или эксцентричности инженера Теньковского, при создании своего «шедевра» отступившего от тогдашних канонов и сделавшего рукоять более выраженной, из-за чего лишившийся приклада автомат не стал выглядеть как самопальный обрез с рукояткой от дуэльного пистоля позапрошлого века...

От осмотра и чистки своего детища Вячка отвлек мастер, неслышно появившийся на полигоне. Впрочем, «неслышно» не значит «незаметно». По крайней мере, сам подросток легко ощутил появление на площадке неожиданного гостя. Ну хоть на что-то его куций Дар еще годен.

– Как результаты? – поинтересовался Герхард, беря в руки один из вычищенных Вячеславом автоматов. Покрутил в руках и положил обратно.

– И вам доброго утра, герр Герхард, – улыбнулся Вячеслав. – Результаты радуют. Попробуете?

– Почему бы и нет? – Старик сноровисто снарядил магазин и так же споро приготовил оружие к стрельбе.

А спустя несколько секунд над полигоном вновь разнеслись звуки выстрелов. То приглушенные, почти неслышные, то резкие и громкие. Одиночные и очереди. Мишени разлетались лохмотьями, а увлеченный Герхард продолжал бить из преображенного АКТ, то и дело меняя пустеющие магазины да поглядывая то в моновизор, то на хронограф. Вячеславу даже пришлось взяться за набивку опустошенных магазинов, а старик все никак не мог уговорить.

Но в конце концов мастер положил автомат на стол и, довольно потянувшись, повернулся к ученику.

– Что я могу сказать, Вячеслав... хорошая работа, – хлопнув своей ручищей по спине мальчишки, заявил он. – Осталась сушая мелочь. Планки. Нынешние наемники зажирили, им теперь без завалящего коллиматора и в поход идти неуместно. Опять же целеуказатели всякие, фонарики... хотя, зачем им эти приبلуды, при наличии тактшлемов, я не понимаю. Старый, наверное, стал, глупый, да... Но покупатель всегда прав, ведь так?

– Да, планки... – Вячеслав скривился, а его руки уже принялись чистить горячий после стрельбы автомат.

– Не переживай, в ангаре, в пятом контейнере их много. Но, опять же, варить будешь сам, – усмехнувшись, произнес Герхард, моментально угадав причину недовольства ученика. Работка тому предстояла муторная. – Зато цену поднимем. Думаю, триста пятьдесят – четыреста крон за такого «малыша» будет в самый раз, а? Что скажешь?

А что он мог сказать? Это ж самое меньшее семь с половиной тысяч крон!

Глава 2

Гладко было на бумаге

Услышав озвученную Герхардом сумму, Вячеслав чуть не подавился. Да он в жизни таких денег не то что в руках не держал, а в глаза не видел! И пусть Вячко получит их на руки только после того, как будут распроданы собранные его руками автоматы, черт с ним! Пернау – город немаленький, больше пятидесяти тысяч жителей, не считая гостей-наемников. Уж за год-то эти машинки так или иначе разойдутся по рукам, а значит, к нужному моменту у Вячеслава будет достаточно денег, чтобы выкупить сестру у хозяйки борделя. И если все сделать правильно, то после расставания с Доброй Ритой у них даже должны остаться кое-какие деньги на жительство. Ну, по крайней мере, на покупку самого необходимого их наверняка хватит, а потом... да что, у него рук нет, что ли?! Кончатся эти деньги – заработает еще. Главное, чтобы у них было это самое «потом».

– Рад? – усмехнулся Герхард, с интересом наблюдая за меняющимся выражением лица ученика. Тот молча кивнул... и тут же испытующе уставился на учителя.

– Что, думаешь, чем придется расплачиваться за такое везение? – продолжил старый мастер. – Правильно мыслишь, в наших местах бескорыстие – товар особого спроса, дефицит, можно сказать. Только не спеши записывать меня в негодаи. Все по-честному. Ты получаешь свои законные тридцать процентов от стоимости этих модернизированных автоматов, я же получаю рабочую схему переделки откровенного старья во вполне современный образец легкой стрелковки. Ты же помнишь, что на складе еще четыре сотни таких лежит, разве что состоянием получше? Да и помимо них я уже озабочен приобретением подобных машинок в городских лавках и на складах наемников. Все собрал, ни одной не оставил. И впредь буду скупать, коли попадутся. Такую возможность снять сливки я не упущу, – похвалился он.

– И сколько их там... всего? – спросил Вячеслав, невольно оглянувшись на бетонную коробку хранилища, почти по крышу утопленного в твердый утопанный грунт заднего двора мастерской.

– Около двух тысяч, – понимающе усмехнувшись, ответил Герхард. – Конечно, получить рабочие автоматы по цене «копанок» мне не удалось, но свой навар я на них сделаю обязательно, и поверь, он будет не меньше, чем ожидаемая прибыль от продажи «твоих» экземпляров. Так что, повторюсь, все по-честному, Вячко. Ты при деньгах, и я доходом не обижен. Ну а схема... считай, она станет платой за мою помощь в выкупе твоей сестры.

– Вы...

– Нет, – моментально поняв, что именно хотел сказать мальчишка, перебил его мастер. – Сейчас я не стану ее выкупать. Без проблем и подозрений со стороны Ритки это можно будет сделать, только когда подойдет твой собственный срок выхода на рабочий контракт. Тогда я смогу забрать ее, так сказать, в довесок, чтобы мой новый работник не зачах от потери единственного родного человека. Ломить цену за малолетку Добрая не станет: я думаю, половины твоего заработка с автоматов хватит, чтобы удовлетворить ее аппетиты. Как ты понимаешь, официально долг за ее выкуп будет приплюсован к стоимости твоего контракта, до тех пор, пока ты не выйдешь из-под «опеки» Ритки. А вот когда развяжемся с ней, тогда и рассчитаемся. Но до той поры ты должен сидеть тихо, как мышь под веником. У старой твари отменное чутье, прознает, что ты что-то крутишь, и на коже Анны тут же раскроются крылья феи³. Сам должен понимать...

³ **Крылья феи** – здесь: татуировка в виде пары стрекозиных крыльев, наносимая на кожу под ключицами, с применением довольно своеобразных эфирных техник. Опознавательный знак проституток в СБТ, из-за которого они и получили прозвище «батистовых фей». Благодаря все тем же эфирным техникам эта татуировка, даже будучи скрытой от взглядов окружающих,

От одной мысли, что его сестру могут заклеить меткой проститутки, сводимой только профессиональными артефакторами за совершенно бешеные деньги, подросток заскрежетал зубами.

– Понимаю, не дурак, – выдохнул он, справившись с накатившим гневом.

– Вот и замечательно, – кивнул в ответ герр Баум и, похлопав ученика по плечу, покинул стрельбище. Вячко проводил учителя взглядом и задумался.

Такого шага от оружейного мастера он не ожидал. Совсем. Предложенная им помощь была слишком хороша, чтоб Вячко так легко мог в нее поверить. С другой стороны, старик явно нацелился заполучить его к себе в качестве мастера, и подобные действия вполне укладываются в поведение рачительного хозяина, беспокоящегося о благополучии своих работников. Пусть даже и будущих.

Как бы то ни было, но даже тот факт, что Герхард собирается выкупить Анну вместе с ним, отчего-то не успокаивал Вячка. Да, стало полегче, но... беспокойство осталось. А если что-то пойдет не так? Вдруг что-то случится с мастером или с самим Вячеславом? А ну как Паучиха откажется заключать контракт с герром Герхардом? Брр...

Размышления Вячеслава прервал шум открывающихся ворот ангара-мастерской. Значит, кто-то из работников уже на месте. Подросток окинул взглядом стол с лежащим на нем АКТ и добрым десятком магазинов к тому, выдохнул и, собрав компрометирующее железо в сумку, двинулся на свое рабочее место.

В цехе его ждал неприятный сюрприз: управляющий Герхард занял уголок для отдыха, расположенный рядом со входом в оружейную комнату, где хранились отремонтированные образцы перед тем, как отправиться в одну из лавок или быть возвращенными хозяевам. А именно в оружейную Вячко собирался вернуть только что пристрелянные им на полигоне автоматы... Убедившись, что, кроме управляющего, в ангаре пока никого нет, он проскользнул за громоздящимся у стены оборудованием, стараясь не попасть в поле действия фиксаторов, установленных хозяином мастерской для контроля работников. Подобравшись поближе ко входу в оружейку, мальчишка замер на месте, скрываясь от взгляда управляющего за старым фрезерным станком. Не заметил? Хорошо. А теперь осталось самое трудное...

Вячко настроился и... одним волевым усилием остановил течение Эфира в своем теле. Вот так; теперь на него никто не будет обращать никакого внимания, словно никакого мальчишки тут и в помине нет... если, конечно, не нагнать, не лезть на глаза окружающим и не тревожить сверх меры Эфир физическими воздействиями. Аккуратность и осторожность. Ну, вперед!

Подросток встряхнулся, сбрасывая напряжение, сковавшее его тело, и спокойным уверенным шагом вышел из-за станка. Кивнув на ходу управляющему, разложившему на столе какие-то бумаги и даже не оторвавшемуся от них, чтобы посмотреть на проходящего мимо человека, Вячеслав отпер врученным ему Герхардом ключом дверь в оружейку и, невозмутимо шагнув внутрь, принялся раскладывать стрелометы в запираемый ящик, где они и хранились, подальше от любопытных глаз. Не торопясь, но и не медля... стараясь производить своими действиями как можно меньше шума, иначе был велик шанс всполошить управляющего. А это нехорошо. Если зацепить внимание господина Руперта, велика вероятность, что он очень быстро опомнится и сообразит, что мимо него прошел не один из мастеров или сам Герхард Баум, а мальчишка, которому в принципе нечего делать в оружейной, где хранится лишь легкое стрелковое вооружение.

Тратить время на набивку магазинов Вячеслав не стал. Слишком долго, а у него уже начался рабочий день, и дел в мастерской невпроворот. Посему он просто свалил их в пустой

ящик, как раз и предназначенный для этой цели. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что все в порядке, подросток запер контейнер со «своими» автоматами, кивнул и так же невозмутимо и спокойно покинул оружейку. Руперт даже ухом не повел на лязг закрываемой двери. Сработало.

Обратный путь подросток проделал точно так же, скрываясь от фиксаторов за оборудованием мастерской. Отыскав в конторе учителя, Вячеслав вернул ему ключ от оружейки и контейнера с неучтенным пока оружием. Его черед придет, когда мастера модернизируют по примеру Вячка хотя бы часть из тех четырехсот автоматов, что лежат сейчас на складе герра Баума. И судя по довольному виду хозяина мастерской, так и фoniaщему предвкушением, не сегодня завтра он даст задание своим работникам на переделку автоматов. А это значит, что исполнение части текущих заказов будет переложено на плечи Вячеслава. Эх, а он ведь рассчитывал на небольшой отдых после почти трехмесячного аврала...

И снова покатались дни, один за другим, стремительно и неумолимо. С деревьев облетела последняя листва, и в Пернау пришла зима. Не такая уж холодная для севера Свободных территорий, но промозглая и сырая. Естественно, такая погода не могла не повлиять на обитателей Заднего двора. Но если девчонки, почти не выбиравшиеся за пределы дома, были в порядке, то «волчата», проводящие большую часть времени на работах, мотавшиеся каждый день из конца в конец города, засопливили через одного. Подхватил простуду и Вячеслав.

Маргарита отреагировала, только когда трое из шести работающих мальчишек, обитающих в ее доме, свалились с температурой. Нет, она была рачительной «хозяйкой», и если бы кто-то из детей сообщил ей о происходящем, она бы не стала дожидаться, пока болезнь доберется до всех «воспитанников» без исключения. Но... так уж сложилось, что в первую очередь свалились с простудой те, чьих матерей давно уже не было в борделе Доброй Риты, а сами они старались держаться подальше от хозяйки дома и не ходить к ней за помощью, тем более что таковая частенько оборачивалась для них увеличением долга.

Но как бы дети ни желали обойтись без лишних, на их взгляд, трат, им это не удалось. Визит врача, достаточно искусного в эфирных целительских техниках, обошелся хозяйке в немалые деньги, которые она, естественно, тут же включила в долг выздоровевших обитателей Заднего двора. Сотня крон на нос, вписанная в долговую роспись, как и следовало ожидать, не подняла детям настроения. Впрочем, от них в данном случае ничего не зависело, так что бедолагам пришлось просто принять к сведению свершившийся факт и... продолжать жить и надеяться на лучшее.

Вячеслав молча смотрел на уже четверть часа мечущуюся по комнате сестренку, просто смотрел. Успокаивать разбушевавшуюся мелочь он сейчас и не пытался. Пробовал, дохлый номер. Анна рвала и метала. Сумма в сто крон, повешенная на брата, казалась ей совершенно нереальной, и все попытки Вячка убедить ее в справедливости выставленной врачом цены пропадали втуне. Сестренка была зла и расстроена. Сообщить ей о том, что у Вячеслава достаточно денег, чтобы не обращать внимания на столь неожиданное увеличение долга? И сколько она сможет хранить этот секрет? День, два? Девочки, девушки, женщины... Вячеслав был убежден, что хранить секреты они умеют. Но только сообща.

Нет, Анна не так уж болтлива, но она совсем еще ребенок и некоторая детская наивность, пусть и изрядно побитая реалиями их жизни, у нее еще сохранилась. Вячко сам сделал для этого все, что было в его силах, старательно ограждая младшую сестренку от грязи окружающего мира. Он хотел, чтобы у девочки было детство, нормальное настолько, насколько это вообще возможно в таких условиях. И может честно признаться, что пока ему это вполне удается.

Но есть у этой ситуации и обратная сторона. Наивность Анны предполагает веру в друзей и их надежность. Пусть их круг у мелкой невелик, для создания проблем хватит и этого. Проболтается Аннушка подружкам, и уже на следующий день ее брата возьмут за жабры люди

хозяйки. А в том, что эта информация дойдет до нее, и быстро, Вячко был уверен абсолютно. Если не через матерей подружек, работающих в борделе, то через осведомителей хозяйки.

Паучиха хоть и делала вид, что не очень-то интересуется делами «волчат», но руку на пульсе держала. И вполне возможно, что та же ситуация с подкосившей ребят простудой была ей известна изначально и просчитана до кроны.

Сам Вячеслав наверняка знал о наличии как минимум двух осведомителей хозяйки, проживающих среди их братии. Кастелянша Ирма Зброева и старший из «волчат», крепко сбитый рыжий парень, ученик портного Адам Поггер. Ирма не видела в своей дальнейшей судьбе ничего зазорного, единственное, что ее по-настоящему беспокоило, так это возможность минимизировать свой долг перед тетушкой Ритой, чтобы уйдя работать по контракту, не слишком долго раздвигать ноги перед клиентами бесплатно. Поггер же... этот рыжий четко знал, что его контракт будет выкуплен нынешним учителем, а хорошие отношения с Ритой обеспечивались его влюбленностью в хозяйку борделя, с удовольствием допустившую крепкого молодчика до своего тела. Учитывая же, что Адам пользовался успехом не только у Риты, но и практически у всех старших девчонок с Заднего двора, вероятность того, что информация о деньгах Вячеслава дойдет до хозяйки именно через этого обормота, стремилась к ста процентам. Именно поэтому он и не решился рассказать сестре о деньгах и теперь вынужден был терпеть ее расстроенное ворчание. К тому же надувшаяся Анна была просто очаровательна, хех.

– Ну что ты молчишь? – воззрилась на него сестричка, сверкая своими голубыми глазами.

– А что я могу сказать? – развел руками Вячеслав, старательно давя так и норовящую вылезти на лицо улыбку. Ну, милота же! Тридцать килограммов чистейшей милоты! – Герхард собирается выкупить мой контракт в следующем году. До того времени долг увеличится еще не раз... а в нашем случае – сотней больше, сотней меньше... роли не играет.

– Но это же огромные деньги, Слав! – воскликнула возмущенная Анна.

– Немаленькие, да, – кивнул тот. – Но посмотри на это с другой стороны, сестричка. Сто крон – это двухнедельное жалованье младшего мастера в мастерской герра Баума. Две недели к отработке контракта, исполнение которого затянется как минимум на пять-шесть лет, это не так уж много, согласишься.

– Ну... да. Если так судить, то ты прав. – Аннушка заметно поникла и задумчиво уставилась в выходящее во двор окно. А ее следующие слова заставили Вячеслава вздрогнуть. – Славик, а как я буду отрабатывать свой долг?

От тихого, почти лишенного эмоций тона сестры нутро подростка продрало холодом... и ответ сам вырвался из груди. Мучить Анну неопределенностью, когда она сама догадалась, что может ждать ее в будущем, Вячко просто не мог.

– Я уговорил герра Баума взять тебя в свою мастерскую, вместе со мной, – ответил он и тут же подпустил в голос строгости: – Но ты должна пообещать, что никому, слышишь, даже лучшим друзьям не расскажешь об этом. Они, может быть, и не выдадут нас специально, но не дай бог слухи дойдут до хозяйки, нам житья не будет. Понимаешь?

– Да. Обещаю, я никому ничего не скажу. Вообще! – серьезно пообещала та. Вячеслав печально вздохнул. Что ж, только на это теперь вся надежда. Эх!

– Замечательно. А еще ты пообещаешь, что теперь не станешь отлынивать от занятий.

– Ты поэтому учишь меня рунному оперированию? – Вскинув голову, Анна удивленно взглянула на брата.

– А почему еще? – пожал плечами тот. – Или ты все еще мечтаешь о работе в кондитерской тетки Мирославы?

Сестренка отчаянно покраснела.

– Дурак, я же тогда совсем маленькая была, – смущенно проговорила девочка, старательно отводя взгляд, но, заметив легкую улыбку, промелькнувшую на лице брата, тут же возмутилась: – Издеваешься, да?!

– Чуть-чуть, – честно признался Вячеслав, больше не скрывая ухмылки. – Совсем капельку.

– Ах ты... ты... Р-р! Загрызу! – воскликнула Анна, кинувшись на братца. Повалив Вячеслава на пол, мелкая егоза тут же принялась его щекотать, отчего по комнате разнесся громкий хохот. Щекотки ее братец боялся с самого детства, чем Аннушка и пользовалась без зазрения совести.

Веселье смыло печальное настроение, еще пять минут назад царившее в комнате, как вода смывает грязь со стекла. Легко и быстро. Но если Аннушка просто радовалась новости, сообщенной братом, то у Вячеслава был и свой маленький повод для радости. Только что, возясь с сестрой, он принял важное решение, и в его душу пришел покой. Решение было не бесспорным, резким и даже беспощадным. При воплощении оно грозило сделать маленькую семью настоящими изгоями в Пернау, за жизнь которых никто не даст и ломаного гроша. Но оно же позволит разрубить гордиев узел проблем, если их с герром Баумом план окажется провальным.

Что ж, решение принято, осталось позаботиться о его технической части. Вячеслав еле заметно усмехнулся. Кажется, он не зря химичил с теми автоматами, с легкой руки мастера уже получившими новое имя – автомат Стрелкова-Баума. Правда, пока аббревиатуру АСБ управляющий Руперт расшифровывает потенциальным покупателям как «автоматический стреломет Баума», ну да Вячко не в претензии. Вот выкупится, уйдет с сестрой из-под крыла Паучихи, тогда можно будет и правильную расшифровку в инструкциях указать.

Узнает Маргарита? И что? Договоренность о запрете на работу с легким стрелковым вооружением была устной, да и касалась именно возни с железом, а не расчетов, так что формального повода придраться к уже ушедшему «волчонку» у нее не будет. Решит наказать сама? Так не того она полета птица, чтобы тягаться с герром Баумом. Конечно, еще возможен вариант, при котором Паучиха постарается отыгаться на самом Вячеславе... или его сестре. Но и в этом случае она рискует нарваться на неудовольствие мастера, ведь Стрелковы будут у него на контракте, а свои инвестиции обитатели Свободных территорий защищают рьяно и чаще всего – не оглядываясь на закон даже там, где он есть.

Если же Паучиха будет слишком настойчива... Что ж, в этом случае Вячко просто воплотит план, приготовленный им на крайний случай, если не удастся мирно договориться с Ритой об уходе Анны.

– Славик! – позвала его сестрица и договорила нахмурившись: – Не делай так больше. Эта улыбка меня пугает.

– Обещаю, – кивнул он, мысленно чертыхнувшись. Забыл, дурак, что в эмпатии Анна даст ему сто очков вперед!

Одним-единственным решением проблемы Вячеслав не ограничился и с новой силой погрузился в изучение учебников, лекций и записей из собрания герра Баума. Целей поиска он не озвучивал, но мастер был доволен рвением своего ученика и всегда с готовностью пояснял непонятные места, которых в старых записях по теории рунного программирования оказалось более чем достаточно. Так, незаметно для себя, подросток изрядно пополнил собственную копилку технических знаний, необходимых любому стоящему мастеру-оружейнику, не ограничивающемуся в работе стандартными рунными цепями и скриптами... и перешел к штудированию материалов, касающихся куда более серьезных вещей. Информационное оперирование оказалось гораздо сложнее схем, необходимых для изменения тех или иных свойств материалов, но Вячеслав не унывал и старательно продирался через нагромождения монструозных рунных цепей, включающих в себя сотни классов и подклассов, описывающих порой совершенно не ясные пытливому мальчишке процессы.

Герхард Баум скрипел, фырчал и порой даже грозился запустить в неугомонного ученика чем-нибудь тяжелым, но при этом старательно давил усмешку и вновь и вновь объяснял запутавшемуся в хитросплетении рун Вячку смысл разбираемых им связей.

Вячеслав и прежде не отлынивал от изучения руники, с самого начала работы на мастерскую Баума закладывая серьезный фундамент для дальнейшего строительства собственного храма знаний, теперь же и вовсе как с цепи сорвался.

Надо отдать должное упорству подростка: этот долгий, непрекращающийся штурм дал результаты. В материалах, изучаемых им, все реже и реже стали встречаться «белые пятна», разобраться с которыми самостоятельно Вячко не мог. Очевидно, что это заметил и его учитель, потому что вскоре герр Баум наконец не выдержал неумного любопытства мальчишки и перестал отвечать на его вопросы, советуя разбираться своими силами, дескать, «тебе это уже по плечу, вот и не ленись, думай, решай... сам».

А когда Вячеслав добрался до принципов так называемого «живого» оперирования, мастер, будто чего-то испугавшись, вовсе закрыл ему доступ к своей библиотеке. Подросток, конечно, расстроился, но не настолько, чтобы рвать на себе волосы и умолять учителя отменить свое решение. Зачем, если к тому времени большая часть библиотеки Баума уже хранилась на старом коммуникаторе, врученном Герхардом малолетнему работнику специально для учебы чуть ли не в первую же неделю его появления в мастерской? Единственное, жаль, что теперь с возникающими вопросами к учителю не обратиться. Но с другой стороны, зря, что ли, Вячеслав учился непрестанно?

И «живое» оперирование поддалось напору юности. Вот тут Стрелков понял, почему Баум запретил ему работать с этим разделом руники. Более того, поняв, с чем он столкнулся, Вячеслав сам тут же снес всю имеющуюся на коммуникаторе информацию, касающуюся «живого» оперирования, на отдельный кристалл-носитель, который тут же перекочевал в один из тайников. За эти знания в СБТ могут убить. Пусть они неполные, пусть кое-что остается для Вячеслава непонятным даже после четырех лет непрерывного и очень качественного обучения рунике, но один только факт, что у него есть эти сведения, уже превращает Вячку в мишень.

Именно поэтому он тщательно затер любые следы присутствия этих данных на «своем» коммуникаторе... вместе с логами хозяйского вычислителя, с которого и скопировал ту самую библиотеку. Вот тут пришлось изрядно повозиться, чтобы оставить лишь след обращения к одной из книг, в которой Вячко и обнаружил упоминание о «живом» оперировании, так всполюшившем учителя.

Но это же Вячеслав! Он «мозги» любого боевого комплекса на раз ломает... спасибо Герхарду, не поленившемуся оплатить одному из своих мастеров работу учителем для малолетнего работника. Не деньгами, само собой, выходить за стоимость ученического контракта герр Баум ни за что не стал бы. Он просто позволил своему мастеру выкупить пару мощных вычислителей, завалившихся в одной из его лавок без толку и смысла. Дьердь был доволен и отработал заказ на все сто. Конкуренции мозгокрут не боялся, поскольку срок его контракта с Герхардом скоро истечет, а после выхода на вольные хлеба он всерьез решил покинуть Пернау и поискать работу техника в других городах Свободных территорий. Собственно, для открытия своего дела ему и нужны были специальные вычислители, так удачно нашедшиеся на складе герра Баума. И отработывал их Дьердь со рвением и энтузиазмом, ну а Вячеслава и не надо было заставлять учиться, так что процесс шел семимильными шагами. Учеба пошла впрок, так что сейчас мальчишка без проблем сумел «навести порядок» в коммуникаторе и вычислителе мастера так, что следов его кражи не осталось. Пришлось убить на это несколько часов, работая по ночам из своей комнаты на Заднем дворе, но оно того стоило. Теперь никто не скажет, что у Вячеслава есть доступ к информации, за которую кое-кто из владельцев города легко открутит ему голову. В частности, та же компания «ИнтерТех», плотно оседлавшая тему человеческих модификаций.

Среди наемников, конечно, встречаются одаренные, но основная часть – обычные люди, которым не светит пыхать огнем, хлестать противника водяными хлыстами или обрушивать под их ногами землю и резать тела потоками воздуха. А ведь им хочется... хочется хоть что-то противопоставить тем, у кого с Даром все в порядке. Кто-то из них выбирает путь оператора ЛТК, обрекая себя вечно таскать на горбу двигательную систему весом под сотню кило и чувствовать себя неуютно голым без привычного экзоскелета; кто-то садится в кабину тяжелого тактического комплекса, надеясь на огневую мощь и броню... а кто-то идет по пути модификаций собственного организма, превращаясь в пожирателя кристаллов-накопителей. Нет, речь не идет об имплантации различного «полезного» железа в человеческое тело. Это пока удел фантастических книг... и, как кое-где поговаривают, высоколобых «вивисекторов» в некоторых лабораториях.

Зато с нанесением рунных цепей и скриптов на тело проблем нет, только плати. Хочешь личный щит? Не вопрос. Неделя на разработку индивидуального модификата, еще неделя в лаборатории той же «ИнтерТех», и по выходе из нее у тебя имеется мощная защита, активируемая на определенный жест или движение, только успевай менять кристаллы-накопители, гнезда которых вживляются в кожу у основания рунескрипта.

Хочется иметь возможность поджарить противника мощным разрядом? Тоже не проблема... Та же неделя на разработку скрипта, идеально подходящего для эфирного тела носителя, три-четыре дня на его нанесение – и можешь изображать Зевса, опять же пока хватит кристаллов-накопителей.

Вариантов множество, но у всех есть два минуса. Первый – те самые накопители. Обычные, продающиеся в любом магазине маломощные кристаллы для этого дела не годятся, слишком мала их емкость. Подходящие же кристаллы, синтетические, стоят ой как немало, а срок службы у них, при активном использовании, не так уж велик. Две сотни циклов «заряд-разряд» – и «батарейки» можно выбрасывать: трескаются. Есть, конечно, другой вариант, но он еще дороже, да и... кто же в Свободных территориях станет таскать на своем теле бриллианты в десяток карат? Подключать же к гнездам питания даже самый легкий движок... так ведь и таскать его придется на своем горбу и без всяких экзоскелетов.

И второй минус... он же часть первого. Стоимость разработки модификата и операции по его нанесению превышает цену годового охранного контракта ветерана-наемника примерно в три раза. Пятьдесят тысяч крон. Мало кто может позволить себе подобные расходы, но... копят, занимают или вкладываются с удачного контракта, и поток заказов у «ИнтерТех» не иссякает.

А ведь есть еще и мастерские, специализирующиеся на создании так называемых «рунных артефактов». Не технике, хотя и она сплошь использует рунескрипты, а именно артефактов. Прежде всего защитного типа. Но и созданием спецбоеприпасов они не брезгают, а у одного наемника Вячеслав как-то видел огромный тесак, которым тот на спор сделал строганину из щитка композитной брони ТТК «Фейерверк». И это тоже рунное оперирование «поживому».

От техники, использующей рунескрипты, оно отличается прежде всего сложностью и многофункциональностью. В этом плане создание артефактов стоит где-то между рунной обработкой деталей и информационной руникой, используемой в программировании и работе тех же вычислителей и коммуникаторов. Но вычислительная руника оперирует информацией, а не физическими явлениями, а это совсем иной уровень энергий. Артефакторика грубее, в чем-то проще и требует солидной подпитки Эфиром, но позволяет влиять на физические объекты напрямую. А еще она абсолютно нетехнологична, поскольку требует подгонки рунескриптов к эфирному телу каждого конкретного изделия. Это проще, чем разработка модификатов, но куда сложнее, чем заводская штамповка, зато и эффективность конечного изделия гораздо выше. Цена же... то, что не купят десять тысяч человек, вполне может купить тот единствен-

ный, кому высокие характеристики конкретной вещи важнее возможности менять ее каждые полгода на новую модель.

Специалистов такого уровня в Свободных территориях не так уж много, и все они объединены в этакий «профсоюз», имеющий очень неплохие связи как в среде наемников, так и среди владельцев городов и территорий, что позволяет им не только успешно отбиваться от власти имущих, желающих прибрать к рукам таких спецов, но и активно давить тех, кто пытается пролезть на их «делянку» без спросу. Зная все это, становится понятным, почему герр Баум так взвился. Его опасения можно понять, Если где-то всплывут артефактные поделки его ученика, «профсоюз» землю носом рыть будет, но найдет автора. А контракт его у кого? И что сделают с уважаемым городским торговцем герром Герхардом Баумом за «нелицензионную» торговлю артефактами? Да пеплом пустят вместе со всеми его магазинами, лавками, складами и мастерской, просто чтоб удержать других умников от таких проделок. А Вячеслав же в этом случае, скорее всего, до самой смерти будет клепать артефакты для того же «профсоюза», тоже в назидание другим самоучкам. Как вариант...

Так ведь Вячко не идиот и палиться, продавая рунированные предметы и уж тем более разработки модификатов, не собирается. Но вот поэкспериментировать с теми же артефактами... для начала потихоньку, незаметно, никому не показывая результаты работ, он точно не откажется. Тем более что в отличие от модификатов рунескрипты для артефактных предметов не требуют слишком сложных расчетов... и мощных кристаллов-накопителей, конечно, если не пытаться создать какую-нибудь вундервафлю, как отзывается о некоторых инженерных изысках мужа фрау Малица. Вон в зарядах для тех же стрелометов вообще используются обычные кристаллы типа ноль-два или ноль-пять, которые можно купить в любой лавке. Конечно, для чего-то серьезного они не подойдут, но если рунескрипт получится слишком большим, то можно будет использовать накопители помощнее, вроде тех, что используются в коммуникациях.

И снова были бессонные ночи, свет маленького фонарика под одеялом, чтобы не мешать соседям по комнате спать, и сотни файлов с вычислениями и описаниями, в обязательном порядке сносимых на съемный банк данных. А утром Вячеслав веселил окружающих красными, словно у вампира, глазами и богатырскими зевками.

Анюта косилась, хмурила брови, но ничего не говорила, и Вячко был ей благодарен за это молчание. Настолько, что к весне подарил ей первую свою поделку... На день рождения сестренки, если быть точным. Да, не удержался, потратил скопленные за год кроны на крепкую куртку и удобную обувь, в каблуках которой, в маленьких свинцовых контейнерах, вполне комфортно и совершенно незаметно разместились два довольно емких кристалла, питающих затейливые рунескрипты, выцарапанные на металлических вставках в мысках ботинок. Сестренка и без того была рада новой обуви, практичной, прочной и удобной, надежно удерживающей голеностоп, а когда узнала о небольшом секрете в подарке...

Вячеславу пришлось изрядно потрудиться, чтобы создать эффект «утяжеления», но оно того стоило. Теперь удар детской ножки, обутой в непримечательный черный ботинок, окажется неприятным сюрпризом для любого идиота, что осмелится напасть на Анюту. Ногу противнику она, может, и не сломает, но трещину в голени обеспечит легко. А главное, никаких внешних эффектов при включении «дробилки» нет, излучение кристаллов гасится свинцовой оболочкой, так что в случае чего никаких претензий к Анне не будет. Зато какой урок для отморози, что посмеет напасть на маленькую девочку!

Неброская серая куртка, подаренная Вячеславом, тоже не обошлась без сюрпризов, правда, чтобы воплотить идею, ему пришлось самому простегать подкладку тонкой сеткой из технического серебра. Намучился изрядно, зато теперь любой удар, хоть рукой, хоть ножом, будет распределен равномерно по всей поверхности куртки. Заряд стреломета не удержит, конечно, но в условиях Пернау и это совсем немало. И опять не обошлось без свинцовых кон-

тейнеров для кристаллов, которые заботливый брат сделал в виде оконечников завязок куртки. Два в нижней части, два в верхней, на капюшоне.

Пятнадцать учтенных в записях Паучихи крон, много-много ручного труда по ночам и... радостное лицо Анюты в награду. О том, что сестренка проболтается о подарке, он не беспокоился. Анна доказала, что умеет держать язык за зубами, к тому же он не поленился объяснить девочке, чем может обернуться раскрытие этого секрета для него самого и совершенно непричастного к этому подарку герра Баума. Сестренка прониклась и дала слово молчать. А вечером, по давней традиции, принятой среди обитателей Заднего двора, Стрелковы накрыли праздничный стол. Он, может быть, и не мог похвастаться особыми изысками и деликатесами, но и дети за столом собрались неприхотливые, так что для праздника им вполне хватило торта с чаем, газировки и пакета вмиг разошедшихся по карманам дешевых мятных леденцов. В общем-то по возрасту Анна могла и не устраивать застолье, но Вячеслав вновь плюнул на это «право» и, как и все последние три года подряд, устроил любимой сестренке настоящий праздник. И ничего, что его копилка при этом показала дно!

Уже поздно вечером, когда Поггер разогнал «малышню» по кроватям, Вячеслав, как обычно, подошел к комнате сестры, чтобы пожелать спокойной ночи... но был отловлен на подходе Ирмой. Кастелянша уверенно подхватила Стрелкова под локоть и, пока тот не опомнился, затащила в свою комнату.

– Что тебе нужно? – осведомился Вячеслав, оглядевшись по сторонам и убедившись, что в спальне, кроме них двоих, никого нет. Он мог бы вырваться из хватки кастелянши еще в коридоре, но не почувствовал от нее опасности и... пошел на поводу своего любопытства. Но бессмысленно тратить время, которого ему и на учебу-то не всегда хватает, не входило в планы юноши, а потому, оказавшись наедине с «похитительницей», он решил сразу перейти к делу.

– Какой ты нетерпеливый, Славик... – надула губки Ирма, усаживаясь в потертое, но заботливо прикрытое пледом кресло. И ведь умудрилась сесть так, что Вячеслав еле сумел отвести взгляд от открывшегося ему вида молочно-белой кожи бедра, оголившейся из-за задравшейся юбки, и без того не слишком длинной.

– Вячеслав, – поправил он Ирму, чувствуя, как начинают гореть кончики ушей. Девушка, услышав его ответ, сложила руки на груди... точнее под ней, отчего тонкая ткань туго обтянула полные полушария, наглядно демонстрируя совершенно отрицательное отношение их хозяйки к традиции ношения бюстгалтеров.

– Да-да... кроме любимой сестрички, никто не имеет права звать тебя Славиком, я забыла. Извини, – почти промурлыкала девушка, театрально закидывая ногу на ногу. Теперь у Стрелкова пылали не только уши, но и щеки... а уж что творилось ниже... Тем временем Ирма потянулась, словно кошка и, продемонстрировав гибкость тела, вмиг оказалась рядом со смущенным подростком. Теплые губы коснулись уха застывшего истуканом Вячка. – Но, может быть, ты позволишь мне сегодня звать тебя Славиком? В виде исключения, а?

Стрелков дернул головой, когда язычок Ирмы прошелся по мочке, и шумно выдохнул.

– Что тебе надо, Зброева? – подавшись в сторону, настороженно произнес он, старательно прощупывая эмофон девушки. И ничего не смог в нем разобрать. Предвкушение, насмешка... удовольствие. Жуткая смесь и какофония чувств.

– Ну не будь таким серьезным, Сла-авик, – пропела девушка. – Что может быть нужно красивой, лишенной комплексов женщине от юного, но уже такого сексуального мальчика, как ты?

– Так вот отчего Поггер рвет и мечет весь вечер... – понятиливо протянул Стрелков, наконец сумев взять под контроль пошедшие вразнос мысли и эмоции. – Ты его сегодня бортанула, да?

– Гордись, милый. Ты заинтересовал меня настолько, что я решила променять ночь с этим жеребчиком на свидание с тобой, – улыбнулась Ирма. – И поверь, это был сложный выбор. Все же, Адам у нас такой затейник...

– И за что мне такое счастье? – спросил Вячеслав, к возбуждению которого прибавилась толика отвращения.

– Хочу успеть первой, – вроде бы честно призналась та и, облизнув губы, договорила доверительным тоном... не лишенным, правда, игривых ноток, отчего юноша вынужден был вновь собирать свои мысли в кучку. Или это от скользящих по его торсу рук Ирмы? – Ох, ты не представляешь, как я хочу увидеть лица девок завтра утром, когда ты будешь выходить из моей комнаты. А ты покраснел, знаешь? Это так возбуждает. Первый опыт... неловкость... мм...

– Любишь быть первой, значит? – перехватив ладонь девицы, уже скользнувшую под ремень его брюк, протянул Стрелков, вовсю стараясь удержать невозмутимое выражение лица и не выдать раздирающих его на части чувств.

– О да... А что, ты уже с кем-то успел? А может... – Ирма понизила тон и в деланом осуждении покачала головой. – Ох, Сла-авик, инцест – это плохо, ты знаешь? Но я тебя понимаю, Анечка ведь такая милая, нежная... если бы не запрет Риты, я бы ее уже...

– Ненавижу извращения... – неслышно скрежетнув зубами, пробормотал подросток, легко касаясь затылка вновь прильнувшей к нему кастелянши. Посыл Эфира отозвался обжигающим холодом в пальцах, и девица, закатив глаза, без чувств осела на пол. Вячеслав же, болезненно поморщившись, непроизвольно дернул сведенной судорогой рукой и, глянув на Ирму, выдохнул с уже нескрываемым брезгливым отвращением: –...и извращенок. Сука.

Глава 3

Развилки и перекрестки

На выходе из комнаты Ирмы Вячеслава встретила сестра. Вид у нее был довольно испуганный, так что поначалу сам Вячко напрягся, ожидая какой-то гадости, но вроде бы обошлось.

– Ты что... – в унисон, сдавленными голосами воскликнули Стрелковы, напоровшись друг на друга прямо в дверях комнаты кастелянши. Вячеслав, потеряв переносицу, кивнул сестре: мол, давай ты первая.

– Ну... ты не пришел пожелать мне спокойной ночи, – тихо заговорила Анна, глядя куда-то в сторону. – Я сначала ждала-ждала, потом хотела пойти тебя поискать, но девчонки затеяли возню, еле вырвалась. В твоей комнате было пусто, и я попыталась настроиться на эмоции... а там такое! Я испугалась и побежала за тобой. Кто ж знал, что ты тут с этой б...

– Аня! – зашипел Вячко, и та осеклась, зажав ладошкой рот. – Что я тебе говорил о мате?

– Что я умная, хорошая девочка и не должна ругаться, если не хочу стать похожей на эту... б... Ирму, – протараторила та и, смутившись, уставилась куда-то в стену. Вячеслав хлопнул себя ладонью по лицу.

– Так... ладно, – пробормотал он и, тяжело вздохнув, взглянул на изображающую паиньку сестрицу. – Даже спрашивать не буду, как ты смогла отыскать меня по одному лишь эмофону, все равно объяснить не сможешь. Много услышала из нашей беседы с этой б... тьфу ты!

– Только окончание разговора, – негромко сказала Аня, что не добавило ее брату хорошего настроения.

– И много поняла? – напрягся Вячеслав.

– Всё, – фыркнула девочка и, прищурившись, бросила мстительный взгляд в сторону комнаты Ирмы. – Я этой дуре покажу «милую и нежную»...

– Тихо-тихо, сестренка. – Стрелков погладил ее по голове, старательно отстраняясь от дикого коктейля эмоций, бурлящего в душе девочки. – Оно того не стоит. Сама же слышала, Рита запретила к тебе лезть, а на Заднем дворе не найдется ни одного идиота, кто решился бы нарушить ее запрет. Так что Ирма тебе ничем не угрожает.

– Сейчас – да... – задумчиво протянул Анна. – А потом?

– А потом нас здесь уже не будет... – тихо, на пределе слышимости, прошептал Вячеслав. – Впрочем, если что... ты знаешь, как поступить, не так ли?

В ответ девочка просияла и взглянула на свои новенькие ботинки, которые не поленилась надеть, прежде чем отправляться на поиски так напугавшего ее старшего брата.

– Знаю, братик, – отозвалась Анна.

– Меня позвать не забудь, – со вздохом произнес Стрелков. Сестра смирила брата задумчивым взглядом, словно что-то прикидывая, и согласно кивнула. Мол, да, твоя помощь может оказаться нелишней...

– Славик... – протянула она. – А почему ты эту Ирму не...

– Анна! – рыкнул брат, на что девочка ответила незамутненным взглядом... Вот про такой и говорят: «на голубом глазу», точно.

– Что? Я же слышала, как она на тебя вешалась, – пожав плечами, произнесла Анна. – Да и ты поначалу реагировал... кхм.

– Если ты меня так хорошо ощутила, то сама можешь понять, почему я с ней не остался, – буркнул Вячеслав.

– Ну я же пока только учусь и... ты разозлился за меня, это понятно. Но... – Девочка пощелкала пальцами, словно подыскивая слова. – В общем, от тебя отвращением полыхнуло раньше, чем она заговорила обо мне.

– Мне стало противно, когда она начала рассуждать о Поггере и выборе между нами. Да и заявление о том, что мне «повезло»... Можно подумать, то, что находится у нее между ног, такое недоступное сокровище!.. – Под конец фразы Стрелков сорвался на злое шипение, но опомнившись, прикусил язык. – Черт, о чем я с тобой говорю, мелкая! Стоп...

Вячеслав с подозрением посмотрел на занервничавшую сестру, прислушался к себе и резко побледнел. Из взгляда, брошенного на Анну, резко ушло смущенное непонимание, а от конфуза не осталось и следа. Их место заняли холод и отчуждение.

– Вот так, значит? – тихо проронил он и, развернувшись, моментально скрылся из виду. Анна же сначала недоуменно уставилась ему вслед, а через секунду, что-то поняв, закусила губу и, всхлипнув, побрела в свою комнату.

Зная Славика, она даже не попыталась догнать его и извиниться. Брат обиделся всерьез, а значит, от него сейчас лучше держаться подальше. Иначе он наорет, расстроится от этого еще больше, и о примирении придется забыть как минимум на неделю... если не больше. Хороший день рождения получился, ничего не скажешь...

Анна совсем не хотела, чтобы все так обернулось, но уж очень интересно было поведение брата, а в его эмоциях так с ходу не разберешься. Правильно говорят: «Любопытство кошку сгубило», вот и она попала в эту ловушку, попытавшись «разговорить» Славика так, как он сам ее учил, то есть влияя собственной эмпатией на обуревающие собеседника чувства, подогревая их так, чтобы они заглушили логическое мышление. Получилось... слишком хорошо. Вот только забыла, глупая, что в эмпатии брат, конечно, куда слабее ее самой, но знаний в этой области у него гораздо больше. Ничего удивительного в том, что он моментально понял суть происходящего. Дура! Отблагодарила за подарки, называется!

А он ведь еще и перед этой б... ее защищал! Чуть не убил гадину, это Анна почувствовала отчетливо, потому и рванула к двери, боясь не успеть удержать взбешенного брата от непоправимого.

Оказавшись в своей комнате, беззвучно плачущая девочка тихо разделась и свернулась клубочком на жесткой кровати. На душе было тоскливо и... противно от того, что она из глупого любопытства сотворила с родным братом.

Вячеслав миновал длинную крытую веранду перед домом «волчат» и, свернув за угол, привычным движением закинул себя на крышу низкой пристройки. Усевшись на давно притащенную сюда лавку, он прислонился спиной к стене дома и бездумно уставился в низкое, затянутое тучами небо.

Надо признать, двенадцатый день рождения сестры прошел феерично. По крайней мере, для самого Стрелкова. Сначала долгий и нудный разговор с Паучихой, пронюхавшей о приготовленном для Анны подарке и не поленившейся прочесть ему длинную и скучную лекцию о пользе экономии, в течение которой она довольно тонко пыталась выяснить, откуда у него взялись целых двадцать крон... и ведь успокоилась, только когда якобы случайно вошедший в комнату Поггер украдкой продемонстрировал ей пустую банку-копилку Вячеслава. Подтвердил слова, так сказать. Вот что ему стоило сделать это хотя бы на полчаса раньше?! Не пришлось бы выслушивать нудеж бандерши.

Потом стычка с уличными мальчишками, когда Стрелков тащил из кондитерской Марты купленный им свежий «утренний» торт и сласти для «волчат». Вячеслав машинально потер ноющий бок, по которому растекся огромный синяк, и мысленно похвалил себя за идею с подарком для сестры. Если бы не сотворенный им для отработки техники артефакт из собственной куртки, вполне возможно, что сегодня, вместо празднования дня рождения Анны с обитателями Заднего двора, он валялся бы в той подворотне с заточкой в печени... холодный. Уж очень внезапным было нападение, так что Вячко даже среагировать не успел. Но обошлось, отделался синяком и разрушенным накопителем в куртке. Противникам пришлось хуже: очутившись от прилетевшего удара, Вячко взъярился, и Эфир в его теле моментально отклик-

нулся. Трупов, к счастью, он за собой не оставил, зато трещин в ребрах и выбитых зубов «уличным» теперь не пересчитать.

Ирма... извращенная тварь и б... Не шлюха даже и уж тем более не «батистовая фея», именно, что б... конченная. Испоганила вечер, заставив окунуться в дерьмо, от которого сам Вячеслав старался держаться подальше и изо всех сил оберегал от него сестру. Хорошо еще, что после ее заявления об Анне Стрелков все же смог сохранить крохи самообладания и не грохнул эту дешевку, наплевав на последствия. А они были бы... неприятными, если не фатальными.

Это и мать говорила, когда учила его, тогда еще совсем сопливого мальчика, ментальным манипуляциям с собственным разумом, эмпатии, сенсорики и тем немногочисленным эфирным техникам, что доступны его куцему Дару, намертво запечатанному в теле. Предупреждала, что это средство на крайний случай, когда иного выхода просто не будет. Ведь для специалиста вычислить автора техники по эфирному следу – дело пяти минут, так она говорила, и Вячеслав этому верил. Он и сам до сих пор ощущал следы своего воздействия на Ирме, сопящей сейчас за толстой стеной этажом выше (!). Не саму кастеляншу, а именно свой эфирный отпечаток на ней... а ведь он не довел технику до конца.

Вячеслав мысленно порадовался, что ранее не применял в полную силу этот прием, оказавшийся таким «палевным» для сенсоров и столь болезненным для его тела. И еще больше радовался, что все же сдержался и не убил дуру, иначе утром ушел бы на «вечный ряд» за уничтожение чужого имущества. Смерти своей девки Паучиха ему точно не простила бы. В общем, пронесло... третий раз за день.

И как вишенка на торте, четвертая «радость»: выходка сестрицы. Кой черт ее дернул испытывать собственные умения на родном брате, неужели чувство превосходства разыграло? Или просто любопытство одолело? Ведь знает же, что в эмпатии Вячко ей не противник. Нет, если подготовиться, загнать разум в «режим», как бывало на уроках матери или во время учебы в мастерской герра Баума, тогда да, Вячеслав легко отобьет атаку на эмоции... просто за их отсутствием. Но здесь Анна застигла его врасплох и, ни на миг не усомнившись в правильности своих действий, начала раскачивать чувства родного брата. «Вызвала на откровенность», так это называла матушка. Зачем?! Так хотела что-то узнать или просто любопытно было покопаться в личном, вытащить наружу то, о чем любой человек молчит даже наедине с собой?

А если бы Вячеслав не заметил воздействия, когда бы она остановилась? Или... не угомонилась бы вовсе, пока не вывернула его душу наизнанку и не выжала ее досуха? Гадство. И ладно бы Вячко ее хоть раз в чем-то обманул, так ведь нет, он всегда старался быть честным с сестрой. Недоговаривал, бывало, но ведь есть вещи, о которых маленьким детям действительно лучше не говорить. А когда она выросла... Да он даже о грядущем выкупе не умолчал, доверил секрет, от сохранности которого зависит все их благополучие! И как она ему отплатила...

Доверие – хрупкая штука. Иногда добиться его невероятно сложно, а порой оно достается даром. Но как бы легко или сложно оно ни досталось, разбить его проще, чем чашку из тонкого фарфора. Одно неверное движение – и только осколки летят во все стороны, рана душу до крови. А это больно, очень больно.

Стрелков продолжал бездумно пялиться в небо, не замечая, как проходит час за часом, и не обращая внимания на холодный весенний ветер, рвущий облака и со свистом проносящийся по узким улочкам Пернау, заставляя ежиться от его ледяных порывов охранников лавок и складов, не спящих перед наступающим утром. Вячеславу было все равно.

Из странного оцепенения мальчишку вывел шум просыпающегося дома. Где-то в глубине захлопали двери, заскрипели лестницы... загудели старые трубы, выплевывая через ржавые краны потоки воды под визги обжигающихся холодными брызгами обитателей дома. Где-то над головой Вячеслава хлопнуло окно, и ветер донес обрывок разговора, окончательно вернувший подростку ясность мыслей.

Тряхнув головой, он огляделся по сторонам и, не заметив в округе любопытных глаз, кошкой взлетел по фахверковым балкам стены, поближе к заинтересовавшему его окну. Заглядывать внутрь Вячеслав не стал, и так знал, кого он там увидит, а спалиться перед говорящими ему совсем не хотелось.

– Значит, удрал от тебя мелкий, – довольным тоном протянул Адам. – Не дорос, выходит, до твоих прелестей, а?

– Да не сказала бы. – В интонациях Ирмы мелькнули злые нотки, вот только эмпатия говорила, что направлено раздражение девки не на сбежавшего в ночи мальчишку, а на нынешнего собеседника. – Судя по реакциям, наш Вячик, конечно, еще девственник, но «аппаратура» у него уже работает. И знаешь, скажу тебе так, потенциал у мальчика, пожалуй, будет побольше, чем у тебя.

– Вот как?.. – Голос Поггера стал глуше.

– В перспективе, милый мой, конечно, в перспективе. Ближайшие год-полтора он тебе не конкурент. Выносливости не хватит, – с усмешкой произнесла кастелянша. – А вот потом... Даже жаль, что меня к тому моменту тут уже не будет.

– Ирма! – рыкнул Адам.

– Не злись, красавчик, – промурлыкала она. – Ты к тому времени тоже уже будешь далеко отсюда, так чего яриться? Неужто будешь ревновать здешних курочек к своему... сменщику?

– Сменщику, говоришь? – после недолгой паузы произнес Поггер.

– Именно, – неожиданно жестко ответила Ирма. – Паучиха дала указание в этом году взять мальчишку в оборот, а к следующему пропустить через него весь нынешний «курятник».

– На хрена?! Он же, реально, мелкий еще! – ошеломленно воскликнул Адам.

– Ты еще громче заори, идиот!.. – шикнула на него кастелянша и, чуть помолчав, договорила: – Рита положила глаз на Аньку. Не кривись; да, сейчас она мелкая девчонка, но уже через годик расцветет так, что за ее контракт кронами по весу платить будут.

– И при чем здесь Вячеслав?

– Ты дубина. Не видел, как он ее бережет? – вздохнув, произнесла Ирма. – Его нужно отвлекать. Работой, неприятностями с уличными, а лучше всего... что в таком возрасте сносит крышу круче секса? Только очень много секса. Вот пока братец будет мять наших девок, сестричку возьмут в оборот, поедят по ушам, кое-что покажут и дадут попробовать, а там потихоньку, без спешки превратят в первосортную б... Вячик, когда узнает, конечно, подергается, да поздно будет. Она сама не захочет иной судьбы, еще и братишку своего идеального пошлет подальше, что тоже неплохо.

– И на кой такие сложности? – упрямо пробормотал Поггер. – Не проще вкатить девке дозу «радужных слез», шлепнуть «крылышки» да кинуть в круг? И никуда она потом не денется.

– Я бы так и сделала, – неожиданно согласилась Ирма. – Но Рита хочет заработать на этой парочке. А если поступить, как ты говоришь, то доход будет слишком мал. Малолетняя обдолбанная нимфоманка больших денег не принесет, будь она хоть трижды раскрасавицей, сам знаешь, такие долго не живут. Два-три года, и уже старуха. Рите такая расточительность не по нраву: за юную, но опытную красотку, раздвигающую ноги из любви к процессу, она получит куда большие деньги. Вячик же идет в мастерскую Баума, за его рабочий контракт старик предлагает серьезные деньги... А что мальчишка выкинет, если его сестру насильно посадят на наркоту и сдадут в дешевый бордель, одному богу известно.

– Да ладно, он тихий. Поноет-поноет, на том дело и кончится, – отмахнулся Адам.

– В тихом омуте черти водятся. Зачем плодить врагов там, где без них можно обойтись, да еще и прибыль поиметь? Так считает Рита, – ответила кастелянша.

– Но не ты... – с хрипотцой проговорил Поггер, и до Вячеслава донесся звук расстегающей молнии, а следом шорох снимаемой одежды.

– Не я, – согласилась Ирма, протяжно вздохнув. – Ох, будь моя воля, я бы эту Анечку без всякой наркоты... сначала сама, потом с девочками, а после можно было бы ее и каким-нибудь наемникам на круг отдать. Ах... а вот потом... да, и не «радужные слезы» ей вколола бы, а «жемчужный рассвет», чтоб сама на любой столб кидалась! И братца бы ее смотреть заставила... или даже участвовать... ох!

– Не любишь ты девочку... – пыхтел Адам.

– Ненавижу!.. – со стоном откликнулась кастелянша. – Живет в борделе, среди б..., а сама вся такая чистенькая-добренькая, дерьма не нюхавшая. Мм... Да не будь здесь Вячика, она б уже давно мне постель грела и о «крылышках» мечтала как об избавлении. Ох! Еще... А-а...

Речь любовников, и прежде то и дело прерывавшаяся шумом совершенно очевидного происхождения, потеряла всякий смысл, остались только охи-вздохи да звуки мокрых шлепков.

Осторожно, стараясь не сорваться, Вячеслав спустился обратно на крышу пристройки и, судорожно выдохнув, глянул на собственные дрожащие руки. Не от усталости... его просто колотило от накатившей ярости и ненависти. Услышанный разговор распалил в подростке такой пожар, потушить который казалось невозможным. К счастью, тренировки, которыми когда-то заставляла заниматься мать, не прошли для него даром, так что спустя минуту даже Аня, оказись она рядом, ощутила бы лишь ровный спокойный эмофон без следа гнева. Сжигающее пламя ярости, скованное тренированным разумом, переплавилось в холодную ненависть, лежащую теперь где-то глубоко на дне души. Мысли потекли ровно и спокойно, а мозг начал отсчитывать возможные варианты действий. И первое, что решил сделать Вячеслав, это немедленно помириться с Анной. На фоне той грязи, что он только что услышал, вчерашняя ссора с сестрой выглядела сущей ерундой. Хуже того, она играет на руку планам Паучихи, а это недопустимо. Вячеслав стер с лица дикий оскал, как единственное напоминание о только что обузданном приступе ярости и, медленно, глубоко вздохнув, сделал зарубку в памяти. Он человек незлопамятный, отомстит и забудет. Тот наемник, что в пьяном угаре убил его мать, может это подтвердить... с того света.

Когда Вячеслав решил, что успокоился достаточно, чтобы даже сестренка не обнаружила его бурлящих эмоций, он в очередной раз допустил ошибку в оценке ее умений. Все же Анна действительно в полной мере унаследовала талант их матери, так что не было ничего удивительного в том, что, увидев брата, девочка тут же поняла: с ним что-то не в порядке. Хорошо еще, что более детально разобраться в эмоциях Вячка она не смогла... или не захотела лезть слишком глубоко? Обжегшись на молоке, дует на воду, ага.

Примирение вышло тихим и совершенно незрелищным. Брат с сестрой о чем-то тихо пошушукались в уголке столовой и разошлись по своим делам. И только соседки Анны по комнате заметили, как просияла девочка после разговора с Вячеславом. Кажется, озарившая ее лицо искренняя улыбка вмиг смыла следы слез и усталости после бессонной ночи. А вот ее брат, наоборот, посмурнел. Стоило ему отойти от Анны на несколько шагов, как тепло, мягко сиявшее в его серых глазах, испарилось без следа, а черты лица, кажется, даже чуточку заострились, превратившись в каменную маску. Впрочем, кому какое дело до настроения четырнадцатилетнего подростка, собирающегося на работу этим хмурым и зябким утром? Сейчас половина обитателей Заднего двора не пышет радостью. А чему радоваться-то? Время – семь часов утра, на улице холодно так, словно весна вдруг вспомнила, что забыла выключить уют и смоталась домой, оставив вместо себя соседку Зиму, да к тому же понедельник... рабочий день.

Несмотря на бессонную ночь, Вячеслав чувствовал себя весьма бодро. Эфир, гулявший по телу, смыл сонную усталость лучше ледяного душа и литра черного крепкого кофе. Голова была ясной и светлой, а вот мысли, бродившие в ней, напротив, отдавали чернотой.

Раз за разом прокручивая услышанный на рассвете разговор кастелянши и Поггера, подросток был вынужден признать, что легкой жизни в ближайшее время ни ему, ни Анне не видать как своих ушей. И вчерашний неожиданный, ничем не спровоцированный наезд «уличных», как и последовавшая за ним попытка Ирмы затащить его в постель, наглядно это подтверждают. Туда же можно отнести и искреннюю радость Паучихи по поводу сверхурочной работы Вячеслава. Ну не стала бы она так радоваться прибытку в десяток крон, не та это сумма, что заставит бандершу потирать руки от удовольствия. А было это больше полугода назад, между прочим. Значит, Рита уже тогда начала готовить почву для своего плана? Если так, то из всего происходящего можно сделать только один вывод: начавшаяся вокруг Стрелковых возня прямо свидетельствует о том, что Паучиха всерьез нацелилась на Анну, а значит, выкупить ее «в довесок» к брату, как говорил герр Баум, может и не получиться. Даже, скорее всего, не получится.

И вот это подозрение заставляло Вячка нервничать больше, чем грядущие неприятности с городскими бандами беспризорников или охота обитательниц Заднего двора. Черт, да этот вывод тревожил его больше всех планов Паучихи по промывке мозгов сестре! С ней хотя бы понятно, что делать. Сообщить Анне о разговоре, а дальше сестричка, с ее-то Даром, сама легко распознает ту лапшу, что будут вешать ей на уши любые «уговаривальщики». Вячеславу же останется лишь проконтролировать, чтобы дело не зашло дальше разговоров. Хм, легко сказать, а вот сделать... нужно что-то придумать, и как можно скорее. Судя по тому, как активизировалась Ирма, план Паучихи уже приводится в действие, а значит, терять время нельзя. Впрочем, с чего начать, Вячко решил почти сразу. Связь. Раньше, пока он не видел опасностей, подстерегавших сестру «дома», связь с ней была не нужна. К тому же в силу возраста Аня редко покидала пределы владений Доброй Риты, а уж в одиночку и вовсе никогда не совалась за калитку, а значит, и надобность в быстрой связи у брата с сестрой отсутствовала. Теперь же она стала жизненно необходима.

Сначала Вячеслав думал подарить ей простенький коммуникатор, но, вспомнив, как его допрашивала Паучиха, когда он сам явился на Задний двор с врученным ему Герхардом устройством на запястье, быстро отказался от этой идеи. У Анны такой отмазки, как необходимость коммуникатора для учебы, просто нет, а значит, агрегат у нее отберут, да еще и самому Вячку выставят претензии, а-ля «откуда дровишки»? Не подходит...

Но если нельзя решить вопрос в лоб, то кто мешает обойти эту «гору» стороной? В конце концов, вышло же у него с одеждой и обувью, так почему бы не попробовать решить и эту задачу таким же образом? Сложно? Но ведь Вячеславу и не нужен полноценный коммуникатор. Будет достаточно, если поделка сможет подать сигнал бедствия и будет работать как маячок. Всего две функции: неужели Вячеслав не справится с такой задачей?

Вечером герр Баум застал своего задержавшегося после закрытия мастерской ученика за странным, но уже привычным занятием: тот что-то мастерил из проволоки, моток которой отыскал где-то среди хлама, которого полным-полно во дворе.

– Вроде бы у твоей сестры день рождения был вчера, – заметил Герхард, наблюдая, как Вячеслав насаживает на проволоку крупные разноцветные бусины. – Неужто ты умудрился о нем забыть? Какое кощунство!

– Ну, вообще-то, подарок я ей уже сделал, – отозвался ученик, оглянувшись на стоящего за его спиной мастера. И вздохнул: – Но она же девчонка! Одной практичности ей мало, вот и пришлось делать что-нибудь... «для красоты».

– Понятно, – усмехнулся герр Баум и покивал: – Женщины – они все такие, вне зависимости от возраста. Сколько бы ни стоил подарок, каким бы ни был полезным, прежде всего, он должен быть красивым, иначе обид будет... Взять вот хотя бы мою Малицу...

– Да-да, дорогой? Что ты про меня говорил? – послышался от входа о-очень ласковый голос упомянутой фрау.

– Я говорю, что исключения тоже встречаются, и ты – одно из них, – не оборачиваясь к фыркнувшей жене и моментально сориентировавшись, выдал хозяин мастерской и, подмигнув Вячеславу, кивнул на часы: – Закругляйся, ученик. Время уже позднее.

Как бы ни старался Вячеслав, сколько бы ни использовал ускоряющие обучение техники матери, но освоить «живое» оперирование за полгода так, чтобы составить конкуренцию профессионалам, он все же не мог. В этом деле одним упорством вершин не достичь, это Вячко понял, прочитав несколько дневников артефакторов, нашедшихся в библиотеке герра Баума.

Для «живого» оперирования нужен особый склад ума, сочетающий математическую точность и образность мышления. Руны разнообразны, значения их подчас весьма размыты и противоречивы, так что правильно составить из них цепочку или скрипт, влияющий на материальные объекты или физические явления строго определенным способом без побочных эффектов, довольно сложно. В информационном оперировании этот процесс намного проще. Математический аппарат, применяемый в рунном программировании, позволяет «урезать» значения используемых рун, сводя их вариативность до минимума и тем самым снижает возможность ошибки или неверного действия составляющих программу цепочек практически до нуля. А в «живом» оперировании таким ограничителем выступает сам оператор, его воля, определяющая значение каждой наносимой руны постоянным эфирным воздействием, проводимым через физический контакт с рунескриптом.

Не самый простой предмет... Но, учитывая проблему Вячеслава с запечатанным Даром, это, пожалуй, единственный для него способ оперирования Эфиром вне своего тела, именно поэтому он так рьяно взялся за изучение работы с рунами «по-живому». И как показали опыты с одеждой и обувью, кое-чему подросток все же научился. Пусть после нанесения каждой руны у него сводит судорогой пальцы от пропущенного через них потока Эфира, пусть пока он составляет лишь очень простые рунескрипты, главное, они выполняют заложенные функции! И этот факт дарил Вячеславу не только необходимую как воздух уверенность, что его новая поделка окажется не хуже предыдущих, но и радость от того, что кое в чем он уже перешагивал большинство одаренных... и надежду, что когда-нибудь даже напыщенные стихийники признают его умения.

Ну да, честолюбие Вячеславу не чуждо. Тем более теперь, когда у него появилась реальная возможность утереть нос тем, кто сейчас смотрит на него как на грязь под ногами из-за дефекта его Дара. А таких людей в Пернау немало. Для этого даже не нужно быть сильным одаренным, более того, фактически любой сенсор способен с легкостью определить проблему Вячка, достаточно лишь единожды к нему присмотреться. И ведь присматриваются: чаще всего чтобы определить степень опасности человека, на которого странно реагирует их чутье... после чего окатывают презрением. В отличие от людей, лишенных Дара, которых одаренные чаще всего воспринимают абсолютно нейтрально, люди с покалеченным Даром вызывают у них в лучшем случае пренебрежение, а в худшем – брезгливое презрение.

В такие моменты Стрелков был готов проклинать свою эмпатию... но теперь-то! Теперь ему абсолютно наплевать на то, как отнесется к нему какой-нибудь сенсор или стихийник. Вячеслав может то, что им со всей их кичливостью и не снилось... Это не поможет в бою? Как сказать, как сказать... В прямом столкновении со стихийником, даже если это будет неофит, Стрелков сейчас, конечно, проиграет. Но если ему дать время подготовиться, то итог может выйти совсем неожиданным... для противника. И это даже сейчас, когда Вячеслав только-только начал разбираться в «живом» оперировании.

На расчет нужных рунескриптов у подростка ушло три дня и еще два – на их нанесение. Для внешнего оформления артефактов Вячеслав взял тонкие металлические пластинки, по две для каждого устройства. Подросток не поленился и выгравировал на «лицевой» стороне одной из них простенький орнамент с «анютиными глазками», а на второй пластинке, что должна была стать частью его собственного артефакта – стилизованный наконечник стрелы. На этом

с изобразительной частью было покончено, и началась основная работа. Просверлив в первой «чистой» пластинке прорези, соответствующие будущему рунескрипту, Вячеслав приварил ее к подложке и принялся аккуратно укладывать в получившийся фигурный паз тонкую серебряную проволоку. Закончив с одной заготовкой, подросток тут же взялся за другую, и только после этого он позволил себе немного отдохнуть перед самой сложной частью.

Глубоко вздохнув, Вячеслав проколол подушечки указательных пальцев специально прихваченным и дезинфицированным шилом, после чего прижал ими заготовки к столу и, сосредоточившись, воздействовал на металл Эфиром через собственную кровь. Пальцы заметно побледнели и похолодели, по пластинкам поползли разводы изморози, а серебро вдруг потекло, словно расплавленное, заполняя малейшие зазоры в пазах и медленно сливаясь в два коротких рунескрипта.

Казалось бы, зачем нужны такие сложности с одновременным формированием рунескриптов? Но предварительные расчеты, проведенные Вячком, показали, что выполнение этой работы последовательно для каждой пластины будет бессмысленно. Артефакты в этом случае просто не заработают. Объяснение такому простое: эфирное наполнение связывает две разнесенные по разным пластинам части рунескрипта в единое целое, заставляя одну часть реагировать на изменения во второй. Связать их иначе... нет, может быть, это и возможно, но сколько Вячеслав ни шерстил доставшуюся ему библиотечку, иных способов воплотить свою идею он не нашел. Пришлось загонять разум в «режим» и, отрешившись от всего внешнего, работать с тем, что есть, предельно напрягая волю. Ну а кровь... кровь нужна была вовсе не для улучшения контакта с рунескриптом или упрощения вывода Эфира, как можно было бы подумать, особенно учитывая проблемы Вячеслава с его Даром, хотя, конечно, и такую пользу он тоже учитывал. Но здесь причина была в другом. Подросток хотел заставить артефакт работать адресно, то есть подавать сигнал, заметный лишь ему самому. И был искренне рад, когда нашел способ обеспечить такую сигнализацию: конечно, все в той же библиотечке Герхарда.

Спустя четверть часа упорной работы Вячеслав наконец открыл глаза и, утерев со лба выступивший от напряжения пот, взглянул на результат своего труда. На столе перед ним лежали две пластинки с отчетливым, почти идеальным рисунком двух рунескриптов.

Короткая проверка показала, что затеянный им эксперимент удался на сто процентов... по крайней мере, в пределах принадлежащего герру Бауму двора запитанные по временной схеме пластины работали именно так, как и задумывалось. Они послушно включались-выключались и подавали неслышимый и невидимый, но весьма ощутимый для самого Вячка сигнал. Правда, не обошлось и без косяков. Когда Вячеслав проектировал рунескрипт, он рассчитывал, что одна часть артефакта станет передатчиком, а другая – приемником. А вышло... вышло два приемопередатчика. Что ж, может, оно и к лучшему?

Вячеслав довольно кивнул и, глянув на часы, принялся за окончательную доводку артефактов. Рунескрипты он скрыл приваренными сверху гравированными пластинками, а довольно длинные «хвосты» серебряной проволоки, выглядывающие из торцов «потолстевших» пластин, обернул свинцовой фольгой и пропустил через отверстия коротких и толстых трубок, играющих роль держателей для браслета. На концы этих трубок он приварил уже не раз использованные в подобном ключе разборные свинцовые шарики, с предварительно просверленными отверстиями в месте их соединения с держателями. Обмотав кристаллы-накопители все той же проволокой, Вячко закрыл контейнеры и, запаяв их для надежности, занялся креплением браслетов. Благо хоть здесь особой сложности не было. Еще одна проверка и... Вячеслав, довольно вздохнув, отложил в сторону готовые артефакты, опознать которые теперь не получится и у самых лучших сенсоров, если, конечно, не использовать специальную аппаратуру, встретить которую в Пернау практически нереально... ну, если только в имуществе каких-нибудь наемников-мозголомов, специализирующихся на взломе и тихом преодолении

охранных систем. Но среди последних идиотов нет, и светить такие навыки, а значит и технику, они не станут. И это хо-ро-шо!

К полуночи, когда мастер вновь пришел в ангар, чтобы выгнать заработавшегося ученика, он застал подростка любующимся парой кожаных браслетов, лежащих перед ним на столе. Первый – явно женский, поуже и поизящнее. На верхней его части красовалась блестящая узкая полоска металла с выгравированным и зачерненным растительным орнаментом: какие-то цветы. Второй – мужской, был пошире и походил более на неширокий напульсник, чем на браслет, но и он красовался стальной пластиной сверху, правда, гравировка на ней была куда проще и лаконичнее. Черненный двухлезвийный наконечник стрелы в круге.

– Симпатично получилось, – констатировал Герхард.

– Да, – довольно кивнул Вячеслав, не сводя взгляда с браслетов.

– И что они могут? – В голосе мастера скользнули странные нотки. Подросток оглянулся на него, но... не почувал ничего, кроме легкого интереса и ожидания.

– Вы... знаете? – выдавил он.

– Вячеслав... – покачав головой, вздохнул герр Баум, – мы же находимся в моей мастерской. Неужели ты думал, что действительно сможешь утаить от меня такое? Да ведь ты даже не скрывался толком. Всего и конспирации, что начинал работать с рунами лишь после ухода других мастеров или наоборот, до их прихода.

– Увлечся, – досадливо цыкнул подросток, проследив за движением руки мастера, ука-
завшего на один из висящих под потолком фиксаторов.

– Я бы сказал, забылся, – поправил его Герхард, усмехаясь в усы, но почти тут же посе-
резнел. – Надеюсь, ты не догадался торговать своими поделками?

– Ну уж не настолько я дурной, – хмуро отозвался Стрелков, опуская взгляд.

– Славно; я рад, что не ошибся в тебе... в очередной раз.

– Вы... – Подросток неверяще уставился в хитрое лицо поглядывающего на браслеты
учителя и словно вмиг прозрел. – Вы специально это подстроили!

– Что? – изобразил непонимание Герхард.

– Доступ к книгам по «живой» работе с рунами, потом запрет... Я еще удивлялся, что
вы так резко отреагировали, когда я начал задавать вопросы по вводным материалам!

– Видишь, не ты один ошибаешься, – делано печально покачав головой, откликнулся
герр Баум, – я вот тоже считал себя хорошим актером и не думал, что ты так легко раскроешь
мою игру...

– Но зачем вам это было нужно?... – непонимающе протянул Вячеслав. – К чему этот
спектакль с запретом?

– Я посчитал, что так будет лучше, – пожал плечами, заявил мастер, но, заметив скепти-
ческое выражение лица собеседника, все же снизошел до объяснений: – Ты погряз в рутине и
проблемах, Вячко. Да, у тебя были причины для беспокойства, но никакие нервные потрясения
не должны влиять на эффективность работы, это тебе любой мастер скажет, между прочим.
Ты вполне дорос до занятий «живым» оперированием, но учиться ему в том состоянии не смог
бы. Эффективно учиться, я имею в виду. Потому я и решил сыграть на твоём любопытстве.
Запретный плод сладок, слышал?

– Вот вы жук... – не сдержавшись, протянул Вячеслав по-русски.

– А тож! – услышал он в ответ на том же языке, без малейшего намека на акцент.

Глава 4

Фильм, часть седьмая...

Разговор с мастером не затянулся надолго: Вячеслав был огорошен странным поступком учителя и в тот момент оказался просто не в состоянии задать целую сотню вопросов, что крутились в его голове. А герр Баум, видимо прекрасно поняв состояние ученика, просто выпроводил его из мастерской, дескать, утро вечера мудренее, иди поспи, оклемайся за выходные, а в следующий понедельник поговорим... на свежую голову. Издевался, в общем, но ученика выпроводил-таки.

До дома Вячко добрался без приключений. Поднимаясь в «свою» комнату, он на миг замер на площадке второго этажа, раздумывая, не заглянуть ли к сестре, но та решила этот вопрос за него. Стоило Стрелкову поставить ногу на ступень лестницы, ведущей выше, как из темноты коридора выскользнула Аня и, ухватив задумавшегося брата за руку, потянула его в обратную сторону. И прежде чем тот опомнился, притащила его на первый этаж, на пустую по ночному времени кухню. Щелкнул выключатель, и помещение озарилось неярким, но теплым желтым светом.

– Ты почему не спишь?.. – прошипел опомнившийся Вячеслав, глядя на сонную сестренку.

– А почему ты не зашел пожелать мне спокойной ночи? – с вызовом ответила та, но тут же улыбнулась. – Тебя ждала. Надеюсь, не зря?

– Вымогательница!.. – закатив глаза, протянул брат, отчаянно давя ответную улыбку.

– Эй, ты сам обещал! – ткнув Вячка кулаком в бок, заявила Аня. – Я тебя за язык не тянула. Ну... говори давай!

– Что?

– Получилось? У тебя получилось? – чуть ли не прыгая вокруг брата, протрещала сестрица. Сон, одолевавший ее совсем недавно, не выдержал такого энтузиазма и свалил куда-то далеко-далеко, так что сейчас этот ребенок так и светился от любопытства и распирающей его энергии. И откуда она только взялась во втором часу ночи, после долгого дня... совсем не выходного, между прочим!

– Чтобы у меня да не получилось? – задрал нос Вячеслав, невольно заражаясь настроем сестры и, тихо рассмеявшись, вручил ей сделанный им браслет. – Меряй.

– Красивый... – протянула Анна, вопреки словам брата не спешившая надевать оказавшийся в ее руках артефакт. Она погладила приятную на ощупь кожу, провела пальчиком по гравировке и улыбнулась, распознав в украшающих пластинку цветах «анютины глазки». Наконец, внимательно осмотрев подарок, девочка надела его на руку и вытянула ее перед собой.

– Не бог весть какое украшение, конечно... – начал было Вячеслав, за что тут же схлопотал шлепок по ладони и нахмуренный взгляд сестры.

– Не говори так. Это твой подарок. Он красивый. Он полезный, – короткими отрывистыми фразами проговорила Анна и, ярко улыбнувшись, ткнулась лбом в грудь брата. – Он мне нравится. Спасибо, Славик, ты лучший брат на свете!

– Я рад, что тебе понравилось, – осторожно погладив девочку по голове, произнес тот и, отстранив от себя сестру, кивнул на обновку: – Опробуешь?

– Конечно, – с энтузиазмом кивнула она. – Как его включать?

– Просто направь в него Эфир. Чуть-чуть... – Для верности Вячеслав продемонстрировал процесс включения на своем браслете и... вынужден был дожидаться, пока схватившая его за руку Аннушка как следует рассмотрит его собственную обновку. – Аня!

– Да поняла я, поняла, – отвлекшись от осмотра, отозвалась сестра. – А у тебя он другой.

– Согласись, на моей руке такая вещица, как у тебя, будет смотреться несколько... необычно, – пожав плечами, пояснил Вячко. – А мне не хотелось бы привлекать лишнее внимание, так что дешевый напульсник из тех, что можно купить за пять-десять геллеров, – самое то.

– А... мой браслет? На него внимания не обратят? – нахмурилась девочка.

– Поверь, он тоже не стоит больше десяти геллеров, – чуть смущенно произнес Вячеслав. – Без «наполнения», естественно. Ну а кроме того, всегда можно сказать, что это тоже был мой тебе подарок, а я нашел эти вещи среди барахла в мастерской и забрал их с позволения герра Герхарда. Он это легко подтвердит.

– Ну и что... – словно сама для себя проговорила Анна и вновь улыбнулась брату. – Зато именно *такого* ни у кого нет! Так что... не в цене дело, Славик!

– У меня умная сестра, – тоном, словно сделал величайшее открытие, проговорил тот и усмехнулся. – Ты проверять-то его будешь, болтушка?

– И ничего я не болтушка, – надулась та, но долго изображать обиду не стала и, глубоко вдохнув, направила легкую волну Эфира в артефакт и тут же уставилась на брата.

– Работает-работает, – кивнул тот, прислушиваясь к чему-то внутри себя. Сейчас где-то в сознании Вячеслава появилось чувство, вернее – ощущение направления, указывающее точно вперед: туда, где стояла его сестра. Что ж, осталось проверить экстренный режим и обратную связь...

– Обратную? – спросила Анна. – Это как?

– Понимаешь, когда я сде... – начал было отвечать Вячеслав, но тут же осекся и хмуро взглянул на сестру. – Не понял...

– Что? – воззрилась на него та.

– Мм... если бы я не знал, что телепатия невозможна, то был бы абсолютно уверен, что именно она у тебя и прорезалась, – задумчиво проговорил Вячко, окидывая сестру изучающим взглядом.

– То есть?... – С Анны, кажется, сейчас можно было писать картину «Олицетворенное недоумение».

– Ты спросила про обратную связь, о которой я не сказал ни слова, – протянул Вячеслав. А когда Анна открыла рот, чтобы задать очередной вопрос, остановил ее одним жестом. – Не сказал, но подумал.

– Нет, ты сказал это вслух, – заявила девочка. – Я же отчетливо слышала!

– Что именно? – вкрадчиво поинтересовался ее брат.

– Я отчетливо слышала, как ты сказал, цитирую дословно: «что ж, осталось проверить экстренный режим и обратную связь». Конец цитаты.

– Правильно. Только не сказал, а подумал, – уточнил Вячеслав. На что Анна упрямо покачала головой.

– Нет, я слышала своими ушами! Хочешь сказать, я вру?! – возмутилась она.

– Ни в коем случае. – Теперь пришла очередь брата качать головой. – Моя сестра не врушка. Но все же я подумал, а не говорил этого вслух. Стоп-стоп-стоп! Не начинай. Лучше, проведем эксперимент.

– Какой? – тут же заинтересовалась девочка.

– Положи ладонь на артефакт и подумай о чем-нибудь. Точнее, попробуй проговорить какую-нибудь фразу, но не вслух, а про себя, как при чтении книжки. Давай...

Аня с подозрением покосилась на брата, но выполнила его просьбу.

– Ну что? Получилось? – прищурившись, спросила она.

– Не поверишь, но... да, – обескураженно произнес Вячеслав, недоуменно глядя на браслет на своей руке, и обессиленно опустился на табуретку. – Не дай бог, кто узнает об этом. Обоих убьют... сразу, как только изучат артефакты.

– И что же я подумала, по-твоему? – с уже тающим недоверием спросила Аня. Еще бы ему не растаять! Славика такая буря эмоций накрыла, что впору от нее под стол прятаться... свинцовый!

– Что твой брат к ночи глупеет, – заторможенно проговорил тот, продолжая буравить невидящим взглядом свой напульсник. Улыбка девочки сползла с лица. Теперь она поняла, почему вдруг брата обуял такой страх. Анна подлетела к Вячку и, изо всех сил его обняв, тихо проговорила:

– Мы никому не скажем. Обещаю, Славик, я буду молчать и никому ничего не скажу, слышишь?

– Слышу, мелкая. Слышу, – отозвался он, и Аня почувствовала, как сковавший брата страх отступает, словно размывается. Миг, и Вячеслав вновь собран и спокоен как всегда. Девочка облегченно вздохнула.

– А вообще, Слав, это же здорово! Теперь у нас с тобой есть свой личный способ связи. – тихо произнесла она, отпуская брата.

– Согласен, – кивнул он, отходя от эмоциональной встряски. – Получилось, хоть и очень неожиданно, но не менее удачно. Я бы даже сказал, феерически удачно. В понедельник надо будет проверить, как действует связь на расстоянии.

– Так не говорят, – фыркнула Аннушка.

– Что? – не понял Вячеслав, успевший погрузиться в размышления о том, какой именно извив рунескрипта или волевого посыла автора привел к такому результату.

– Я говорю, что словосочетание «феерически удачно» не существует. Так не говорят, вообще-то, – повторила Анна.

– Можешь предложить другой вариант? – спросил изрядно повеселевший Вячко.

– Мм... «очень удачно», например, – после недолгого раздумья ответила девочка.

– Думаешь, в нашем случае это достаточно выразительно?

– Согласна. Качественная характеристика не отражает и десятой доли степени твоего везения, – с абсолютно серьезным лицом заявила Анна, и Вячеслав ошеломленно моргнул. Ну не ожидал он такого перла...

– Так! – наконец опомнившись, он негромко хлопнул в ладоши. – Прекращай троллить несчастного, уставшего и сонного, а самое главное, голодного брата!

– Есть на ночь вообще-то вредно... – задумчиво протянула Анна и, оглядевшись по сто-ронам, договорила: – Но раз мы все равно уже на кухне...

– Вот именно, – согласно кивнул брат, – к тому же такой стресс просто необходимо заже-вать чем-нибудь... посытнее.

Да, Паучиха была излишне скупа; да, она не баловала живущих в ее доме детей деликате-сами, игрушками и шмотками; да, она жестко контролировала их финансы вообще и покупки в частности, но одного у бандерши было не отнять: она никогда не морила своих «подопечных» голодом... Хотя порой за некоторые залеты те и попадали в карцер, где могли провести пару дней на хлебе и воде, но такое наказание применялось только к старшим и лишь за опреде-ленные нарушения правил проживания на Заднем дворе. Обычно же в холодильнике всегда можно было найти что-нибудь перекусить, пусть без разносолов, но сытно и без каких-либо ограничений. Ну почти без ограничений.

Именно поэтому спустя четверть часа Стрелковы сидели за огромным столом и с аппе-титом наворачивали огромные бутерброды с дешевой, но нарезанной толстыми ломтями кол-басой, запивая их крепким и духмяным чаем. Ну и что, что из пакетиков? Пить можно, и с бутербродами получается очень неплохо. Ночной жор проходил вроде бы в полном молчании, а на самом деле брат с сестрой вовсю тестировали обновки, вышедшие из-под удачливой руки Вячеслава.

Выходной... как много в этом звуке! А у Стрелкова было беспокойно на душе. И ведь понимал, что в дни, когда он дома, люди Риты вряд ли станут подкатывать к его сестре, а беспокойство отчего-то не проходило. Не зря. Это он понял за завтраком, когда рядом с ним за столом устроилась Ирма. Короткий халатик, блудливый взгляд и постоянные, якобы неловкие прикосновения то рукой, то грудью... вот об этом фронте Вячеслав в круговерти событий попросту забыл.

Когда же Ирма вдруг уронила вилку и нырнула за ней под стол, до Вячеслава дошло, что разведка боем закончена и начался настоящий натиск. Иначе что бы руке этой б... делать на молнии его джинсов?

Спасение пришло от любимой сестрички. Нервно дернув рукой, она ойкнула, и молоко из нечаянно перевернутого Аннушкой стакана выплеснулось на пол. В другой раз оно, может быть, даже долетело до пола, но не сейчас. Содержимое стакана почти полностью оказалось вылитое на голову кастелянши, чего та, в своих попытках добраться до плоти Вячка, совсем не ожидала и отреагировала как положено, писком и попыткой отпрянуть от льющейся сверху холодной, только что извлеченной из холодильника жидкости. Удар головой о столешницу стал закономерным результатом дерганий кастелянши.

Аннушка тут же принялась испуганно извиняться, да так искренне, что даже Вячеслав почти поверил в ее раскаяние. «Волчата», оказавшиеся поблизости, уже приготовились наблюдать фирменный разнос от разъяренной Ирмы, всегда бывшей скорой на расправу, и даже за меньшие косяки порой позволявшей себе отхлестать виновника по щекам до полного онемения лица, без всяких скидок на пол и возраст. Но тут их ожидания не оправдались.

Выбравшаяся наконец из-под стола кастелянша, белая от злости, со сжатыми в тонкую нитку губами, что свидетельствовало о крайней степени бешенства этой особы, вдруг глубоко вздохнула и... попыталась улыбнуться. Судя по тому, как «волчата» шарахнулись в стороны, не особо получилось, но что делать, это вопрос тренировок, а прежде у неофициальной хозяйки Заднего двора необходимости в таких занятиях явно не было. Сдерживать свои эмоции она никогда даже не пыталась.

Тем больше был шок у невольных зрителей этого представления, когда Ирма заговорила.

– Не переживай, Анни, я же понимаю, что ты это сделала не нарочно, – совершенно деревянным тоном проговорила кастелянша и, тихо охнув, вдруг покачнулась.

– Ой, Ирма, ты ушиблась! Больно, наверное... – тут же затараторила мелкая. – Давай обопрись на меня, я помогу тебе добраться до комнаты.

– Нет-нет, – взмахнула рукой та. – Я для тебя слишком тяжелая, вот пусть твой брат меня проводит. Он сильный, даже если мне вдруг станет хуже, сможет донес... довести до комнаты.

М-да, быстро же она очухалась! Вячеслав переглянулся с сестрой, и та тут же воспользовалась артефактом, чтобы высказать брату все, что одна добрая девочка думает о «хитрых дылдах с коровьими дойками».

Как и ожидал Вячко, транспортировка пострадавшей оказалась процессом весьма и весьма трудоемким. Нет, вопреки собственному недавнему утверждению, Ирма вовсе не была тяжелой, но пока подросток провожал ее до комнаты, девка висла на нем так, словно ноги ее вообще не держат. А взбираться с такой ношей на два лестничных пролета – удовольствие ниже среднего. К тому же сама Ирма не теряла времени даром и во время подъема успела поприжиматься и потереться о Вячеслава почти всеми интимными местами. И ведь невдомек дуре, что ее прикосновения не вызывают у ее «рыцаря» ничего, кроме брезгливости. Не потому, что шлюха, а потому что б... Впрочем, нет. Было у Вячка еще одно желание – придушить эту дрянь, чтоб не поганила и без того хреновый мир своим дыханием. Знал бы кто, с каким трудом он сохранял невозмутимое выражение лица, когда прикасался к этой змеюке!

Допускать второй атаки Вячко не собирался. А в том, что она обязательно будет, как только за ними закроется дверь спальни Ирмы, сомневаться не приходилось. Именно поэтому

он, сгрузив свою ношу на постель, быстро и незаметно прошелся пальцами по кое-каким точкам на теле кастелянши, умудрившись при этом почти не потревожить Эфир. Вроде бы как невзначай. Прием подействовал моментально, так что отцепить от своей шеи обвившие ее руки Ирмы, вдруг ставшие совершенно безвольными, для подростка не составило проблем.

– Вячик, подожди, – встрепенулась кастелянша и попыталась встать, но тут же повалилась обратно на кровать. Вот теперь ноги ее действительно не держали. – Ох, что-то мне как-то нехорошо и голова кружится. Вячик, посиди со мной.

Кажется, до нее только что дошло, что удар мог оказаться несколько сильнее, чем показалось изначально.

– Я сбегая к мадам Рите, скажу, что ты себя плохо чувствуешь, – проговорил Вячеслав и, словно задумавшись на миг, протянул: – Может, прислать кого из девчонок, чтобы присмотрели за тобой до прихода врача?

– Нет-нет, не надо ничего говорить Рите, – тут же запротестовала Ирма. Вот чего-чего, а упорства ей не занимать. – И девчонок не надо. Просто побудь со мной немного, Вячик. Я сейчас приду в порядок, только немного полежу...

– Но... Ирма, с головой шутки плохи! – воскликнул подросток. – Может, все же вызвать врача?

– Не надо! – В голосе кастелянши прорезались командные нотки, но она тут же сбавила тон. – Мне уже лучше, правда. А если ты посидишь рядом, будет совсем хорошо. Пожалуйста...

Потоптавшись для вида на месте, Вячеслав вздохнул и осторожно присел на край кровати.

– Ладно. Но если я увижу, что тебе становится хуже, то тут же отправлюсь к мадам, – предупредил он.

Ирма кивнула и, извернувшись змеей, что ей удалось, даже невзирая на слабость, устроила голову на коленях подростка. Тот осторожно погладил довольную таким «достижением» кастеляншу по пышным волосам, раз, другой... очередное прикосновение – и настырная девица отправилась в объятия Морфея. Снова.

На этот раз Вячеслав не стал сразу сбегать из комнаты Ирмы и, мысленно переговорив с сестрой, только убедился в правильности такого решения. Если верить так и брызжущей весельем Анне, то все девчонки старше тринадцати лет, что еще не «ушли на контракт», сейчас циркулируют по коридору мимо комнаты кастелянши, старательно прислушиваясь к происходящему за закрытой дверью и обжигая друг друга о-очень подозрительными взглядами. Они бы, может, не постеснялись и в замочную скважину заглянуть, но присутствие «конкурок» не дает развернуться.

От таких новостей Вячеслав сначала опешил, но, прислушавшись к доносящимся из коридора эмоциям, был вынужден признать, что сестрица не издевается над ним и не шутит. Загнанно оглядевшись по сторонам, Вячко остановил свой взгляд на окне и, вздохнув, принялся открывать фрамугу. Тихо и аккуратно.

Повторить однажды проторенный путь труда не составило, так что спустя несколько минут Стрелков устроился на крыше уже знакомой пристройки и смог наконец перевести дух. А вскоре к нему присоединилась Анна, да не просто так, а с бутербродами и фляжкой с горячим чаем, за что Вячко был ей благодарен. Все же со всей этой кутерьмой он так толком и не позавтракал.

– Думаешь, началось? – спросила Анна, наблюдая, как брат с аппетитом уничтожает очередную бутерброд.

– Других вариантов не вижу, – пожал он плечами в ответ.

– Тогда почему на тебя лезет только Ирма, а остальные девчонки только облизываются издали? – задала закономерный вопрос сестричка, делая глоток горячего чая из фляжки; все же на крыше было довольно ветрено.

– Вот чего не знаю, того не знаю, – признался Вячеслав. Задумался и, машинально вонзив зубы в бутерброд, вдруг щелкнул пальцами. Ну хоть говорить начал после того, как прожевал и проглотил пищу. – Предполагаю, что Ирма затребовала себе «право первой ночи», а остальные энтузиастки горизонтальной работы не посмели ей возразить. Вот и ждут, крутятся вокруг, словно голодные акулы, но атаковать не решаются. Кстати, к тебе со странными разговорами пока никто не подкатывал?

– Мм, вроде бы нет... – задумчиво протянула Анна и, чуть покраснев, нехотя договорила: – Старшие девчонки в комнате, конечно, трещат о мальчишках, но меня в эти беседы не вовлекают. Хотя... Лотта в последние дни стала посматривать в мою сторону как-то... не так.

– Лотта? – нахмурился Вячко. О том, что эта смешливая пятнадцатилетняя девчонка плотно «ходит» под Ирмой... во всех смыслах, знали все старшие обитатели Заднего двора. Ей даже прочили «должность» старшей подруги, когда прежняя съедет из заведения Доброй Риты. И интерес, проявляемый этой белобрысой к сестре Вячко, подростка совсем не радовал. – И в чем заключается это самое «не так»?

– Неприятно, – скривилась Анна. – Она будто облизывает взглядом, а эмоции при этом такие... брр! Противно.

– Похоже на «гостей» заведения, когда они себе фею на ночь выбирают? – уточнил Вячеслав.

– Точно! – кивнула девочка.

– Плохо. Очень плохо, – пробормотал ее брат и, глядя куда-то в пустоту, тяжело вздохнул. – Вот что, постарайся не оставаться с этой Лоттой наедине. Девчонки в комнате, «волчата» в гостиной или на кухне – нужно, чтобы в ее присутствии рядом с тобой был кто-то еще. В крайнем случае, если станет навязчивой, организуй ей прочистку организма, только не перестарайся с эфирным воздействием, хорошо?

– Может, эмпатией бить? – предложила Анна.

– Не вздумай! – резко отреагировал брат. – Она не дура, один-два раза такой финт, может, и прокатит, а потом Лотта обязательно догадается о том, кто ее «приласкал». Хочешь, чтоб Рита тебе блокираторы на руки надела?

– Нет, конечно, – стушевалась Анна и, чуть подумав, вскинула голову: – А Ирма не догадается?

– О чем? – горько усмехнулся Вячеслав. – Я же бездарь, помнишь? Калека с убитым Даром.

– Не говори так! – моментально растеряв все смущение, взвилась сестра. – Ты умный, ты талантливый. Вон какие артефакты делать научился! И Эфиром в своем теле управляешь куда лучше, чем любой одаренный!

– Всё-всё, – замахал руками Вячко и слабо улыбнулся. – Больше не буду. Но и ты прекращай, а то захвалишь – возгоржусь и нос задеру.

– Споткнешься и упадешь, – предупредила Анна и добавила, хитро прищурившись: – Уж я постараюсь.

– Язва... – констатировал со вздохом Вячеслав, что, правда, не помешало ему взъерошить волосы сестренки. Девочка фыркнула, выворачиваясь из-под его руки, но почти тут же посерьезнела.

– Братик, скажи... – начала она и тут же осеклась.

– Что? – кивнул он ей, подбадривая, и Анна решилась.

– Почему ты так против того, чтобы я стала «феей»? – скороговоркой выпалила она и, заметив, как разом помрачнело лицо Вячеслава, поторопилась договорить: – Нет, ты не подумай, я сама к этому не стремлюсь, но что тут такого? Большинство старших девчонок только и говорят о том времени, когда смогут уйти на контракт, и как они заживут по его закрытии, и... ну, никто не видит в этом занятии ничего такого зазорного.

– Знаешь, я бы мог сказать, что обещал маме перед ее... уходом не дать тебе повторить ее собственную судьбу, и ограничиться этим. – Брат посмотрел куда-то сквозь Анну и, хрустнув костяшками пальцев, резко мотнул головой, после чего попытался улыбнуться сестре. Вышло криво. – Но ты уже не та маленькая наивная девочка, какой была еще год назад, а потому буду откровенен. Это путь в одну сторону. Все байки о «батистовых феях», встретивших в заведении своего «принца на белом коне», – сказки. Как и истории о шлюхах, выбившихся в люди или хотя бы ставших владелицами собственных борделей. По крайней мере, в Пернау таких нет точно. Татуировка стрекозиных крыльев – это билет в один конец. Клеймо навсегда, поскольку снятие его – процедура феерически дорогая и очень болезненная. И когда я говорю «дорогая», следует понимать, что я имею в виду не тысячи и даже не десятки тысяч крон, а сотни тысяч. Обладательницу такого знака никто и никогда не возьмет замуж... Да что там! – ей и работы иной не найти, даже официанткой в кабак не возьмут... точнее, не так: взять – возьмут, но знак-то никуда не денется и будет продолжать фонить, однозначно давая понять окружающим, с кем они имеют дело. И если вдруг какой-нибудь посетитель решит такую официантку разложить на столе, ему и слова никто против не скажет, хозяева заведения просто включат «услугу» в итоговый счет, и все. Кроме того, как ты думаешь, почему почти все «фейки» Пернау работают исключительно в борделях? Ведь им куда выгоднее было бы принимать гостей на дому и не отстегивать процент хозяйке заведения... Не знаешь? А я скажу... не отворачивайся! Ты хотела услышать, так слушай. Защита! Бордель защищает своих работников. Если же шлюха окажется слишком жадной и начнет работать в одиночку, то вскоре обнаружит, что любой клиент может попользоваться ее... о ужас! совершенно бесплатно. И доказать что-либо будет невозможно. Показания «батистовых фей» даже в судах доказательством не считаются. Собственно, их не только в суде как свидетелей не принимают, но и как видоков в поединках. Шлюху можно избить, ограбить, убить, да хоть на куски разрезать. Все что будет грозить виновнику, это возмещение убытков держателю контракта, если он есть. Если же нет...

– Бра-ат... – скривилась от отвращения Анна, явно не готовая к таким «откровениям». Но тот и ухом не повел.

– Иными словами, сестренка, шлюхи в нашем обществе людьми не считаются. Они не субъект права, а объект... и то лишь в том случае, если работают по контракту в официальном борделе. То есть «батистовые феи» – всего лишь вещи. Живые игрушки, не более. И если у такой вещи нет хозяина, то ее и сломать можно без всяких последствий для сломавшего. А теперь думай: хочешь ты себе такую судьбу? – К концу монолога Вячеслав разве что не полыхал от гнева, и под его взглядом Анна чувствовала себя очень неуютно, успев уже не раз укорить себя за заданный вопрос.

– И что, наши девчонки этого не понимают? – справившись с валом эмоций брата, спросила она после долгой паузы, когда увидела, что Вячко немного успокоился.

– Психологическая деформация, – развел руками тот. – Мы живем в очень замкнутом и своеобразном мирке на задворках борделя, Анюта. «Фейки» из заведения Риты влияют на обитателей Заднего двора, те видят перед собой пример и, естественно, следуют ему, благо на ком тренироваться – здесь в достатке: «волчат» на Заднем дворе никогда мало не было, и, самое главное, они тоже совсем не против экспериментов, гормоны-то играют. Это потом придет осознание, что не все так радужно, а пока они рассматривают будущее «феи» как возможность получать деньги за удовольствие.

– Даже Ирма? – недоверчиво спросила Анна.

– Она – первая. Рита умеет подбирать кадры, знаешь ли. Или ты считаешь, что Зброева сама, на одной своей воле выбилась в лидеры на Заднем дворе? – усмехнувшись, произнес Вячеслав. – Дудки. Наша кастелянша хитра, мстительна и умело пользуется своим женским началом для манипуляций, но при этом совершенно не умеет думать наперед. Да и в принципе с головой не особо дружит. Нет, сама бы она на «трон» не влезла, просто нашей хозяйке нужен

именно такой типаж для промывания мозгов малолеткам. Достаточно сильный и глупый, чтобы собственным примером и волей вести остальных девиц напрямик под клеймо в виде изящных крылышек. Так-то.

– А Поггер?

– Адам – идиот, – резко откликнулся Вячеслав. – И долго в любимчиках у Риты не проходит. Как только ей надоест этот жеребчик в собственной постели, она вышвырнет его на контракт, а если сильно накосячит, то Рита просто сдаст его в качестве «мяса» наемникам.

– Ты так уверен? – спросила Анна. Как и большинство детей, живущих на Заднем дворе, она побаивалась Поггера, несмотря на то, что последние пару лет Адам даже голос на нее особо не повышал.

– Понимаешь, реально задачей «жеребчика» был контроль «волчат» и привитие нашей братии уважения к Рите, но так уж вышло, что старшие уже разошлись по личным контрактам, да и Адам не был для них авторитетом. Младшие в большинстве своем еще даже не пристроены в ученичество, а Рита для них, в силу возраста, – нечто далекое и совершенно туманное. Таких, как я, на Заднем дворе сейчас девятiero, втирать нам о доброте бандерши уже бесполезно, с этой задачей Поггер не справился, да и командовать нами он не рискует, мы ведь и огрызнуться можем, а тогда велик шанс, что до своего ухода на контракт к учителю Адам просто не доживет. В общем, вся его деятельность на данный момент сводится к согреванию постели Риты и обучению будущих «батистовых фей» премудростям их профессии на практике. И все.

– И Рита так легко это воспринимает? – удивилась Анна.

– А ей до мальчишек особо дела нет, – развел руками Вячеслав. – Процесс получения дохода с нас отлажен и правки не требует. Единственное, что ее беспокоит, это возможность того, что кто-то из ребят затаит на нее зло. Именно поэтому она старается на нас не давить.

– А от девчонок, значит, она зла не ждет? – прищурилась Анна.

– Может быть, и ждет, но... что ей может сделать бесправная говорящая кукла, да еще и сидящая на привязи в чужом борделе? – проговорил Вячеслав.

– Она ошибается, – резко произнесла девочка. Ее брат промолчал, лишь согласно кивнув в ответ. Но если бы только Анна увидела его оскал в этот момент...

Герхард сдержал обещание и на исходе первого рабочего дня вызвал своего ученика на разговор. Под недовольным взглядом управляющего Руперта Вячеслав ушел на ужин в хозяйский дом, и опять беседа началась лишь после окончания трапезы.

– Спрашивай, Вячеслав, – кивнул герр Баум, когда его супруга, убрав пустую посуду со стола, скрылась на кухне. В деловые разговоры мужа она предпочитала не вмешиваться... что, как точно знал сам Вячко, совершенно не мешало ей влиять на решения своего мужа.

– Зачем? – тихо спросил тот.

– Что «зачем»? – изобразил недоумение мастер.

– Зачем вы так старательно подсовывали мне материалы по «живому» оперированию? – упрямо проговорил Вячеслав.

– Чтобы ты учился, это же логично, – невозмутимо пожал плечами Герхард, но его усы дрогнули, скрывая легкую улыбку, коснувшуюся губ старика.

– Логично, – кивнул Стрелков, старательно сдерживая поднимающийся в груди гнев. – А то, что эти знания сделают из меня мишень для профессиональных артефакторов, – это мелочи, должно быть? Сопутствующий риск, да?

– С какой стати коллегам охотиться на моего ученика? – На этот раз герр Баум не стал скрывать широкой улыбки.

– Вы... артефактор?.. – неверяще выдавил Вячеслав, когда отошел от шока.

– Был таковым, – согласно наклонил голову Герхард. – К сожалению, годы не щадят никого, и в последние несколько лет я вынужден был отойти от дел. Но по сложившейся в нашей организации традиции я обязан подготовить преемника. Мой выбор пал на тебя.

– Почему?

– Хм... ты упрям, настойчив, талантлив и более чем мотивирован, – коротко пояснил мастер. – Не понимаешь?

– Не совсем, – покачал головой Вячеслав.

– Что ж, уточню. Мне известно о твоей проблеме с Даром. Известно с первого дня, с того самого момента, как Рита предложила отдать одного из своих «волчат» на обучение в мою мастерскую, – медленно заговорил герр Баум. – Именно тогда, просматривая досье на мальчишек с Заднего двора, я обратил внимание на мелкого десятилетку, в чьем личном деле стояла отметка об имеющемся у него Даре и полной невозможности его использовать. Я мог бы взять в учебу любого из твоих соседей, но ни одному из них не предложил бы стать артефактором. Даже тем двоим, что могли похвастаться наличием Дара. Но вот ты... о, я посчитал тебя откровенной удачей. Кто еще может оценить всю прелесть живой работы с рунами, как не тот, кто, имея доступ к Эфиру, не может им управлять? Кто отчаянно завидует одаренным и будет из кожи вон лезть, чтобы их превзойти? И ты оправдал мои надежды. У меня никогда не было ученика, столь исступленно изучающего все, до чего могут дотянуться его руки и разум. А скорость, с которой ты запоминаешь и обрабатываешь информацию? За неполных четыре года ты изучил больше, чем другие усваивают за восемь – десять лет! Как я мог отказаться от такого ученика, Вячеслав?

К концу этой тирады Стрелков смотрел на сидящего перед ним мужчину абсолютно пустым взглядом. В его голове с трудом укладывался тот факт, что он четыре... точнее, уже почти пять лет учится не просто в оружейной мастерской, а у одного из немногочисленных артефакторов Свободных территорий. Но в конце концов Вячко все же пришел в себя.

– Выходит, я должен буду занять ваше место в...

– Ассоциации? – улыбнулся герр Баум. – Ну, положим до этого момента тебе еще расти и расти. Все же каким бы ты ни был талантливым учеником и как бы я хорошо к тебе ни относился, но отдавать юнцу кресло торгового представителя ассоциации в восточном секторе Свободных территорий было бы нерационально, согласись. Но свое место в производственной части организации ты займешь... как только сдашь экзамен.

– Экзамен? – переспросил Вячко.

– Конечно, – кивнул мастер. – Каждый ученик, приходящий в ассоциацию артефакторов, сдает вступительный экзамен, по результатам которого наши специалисты определяют уровень его знаний и умений. Но тебе об этом думать рановато; вот в следующем году, после того как ты выйдешь из-под крыла Риты и выкупишь у меня свой контракт, я с удовольствием подам заявку на твоё вступление в ассоциацию.

– Почему именно так? – поинтересовался Вячеслав.

– Потому что вступить в наше общество может только свободный человек. Непреложное правило. Артефакторы независимы. Так было, так есть, так должно быть всегда, – резко ответил герр Баум, но тут же смягчил тон: – Нас немного, Вячеслав, и мы вынуждены защищаться от давления извне. В нашей истории уже бывали моменты, когда зависимые от посторонних людей или организаций артефакторы приводили нашу организацию на грань краха. С тех пор мы старательно следим за тем, чтобы участники ассоциации были максимально защищены от посягательств со стороны.

– Расскажите мне о вашей организации, – попросил Вячко после недолгого молчания. – Если уж я стану ее участником, мне нужно знать об ассоциации побольше, не так ли?

– Хм, пожалуй, ты прав, – протянул Герхард и вдруг хохотнул: – Если бы ты не спросил об этом, я был бы разочарован. Давай сюда свой коммуникатор.

Вячеслав протянул учителю потертый браслет, и уже через секунду тот тихо звякнул, оповещая о пришедшем файле.

– Изучишь на досуге. Возникнут вопросы – задавай, обязательно отвечу, – произнес мастер, возвращая ученику коммуникатор. – А сейчас вали домой, а то сестра взбучку устроит, время-то уже за полночь.

Глава 5

Всему положен свой предел

Время вновь ускорило свой ход. Вячеслав разрывался между учебой и попытками контролировать происходящее вокруг его сестры. Да и сама Анна стала вести себя куда более настороженно, что, правда, не было замечено ни ее соседками по комнате, ни наблюдателями хозяйки. А вот факт, что Ирма вдруг прекратила попытки затащить Вячеслава в койку, заставил его осторожность совершить качественный скачок. Еще чуть-чуть – и начнется паранойя. Но тут Анна только поддерживала брата, поскольку видела, какие взгляды начали бросать на него старшие обитательницы Заднего двора... и пару раз слышала их разговоры. Нет, с работой и учебой Стрелкова он мог легко игнорировать бурление эмоций вокруг себя, но, скрываясь в мастерской Баума от домогательств бабьего царства, Вячеслав рисковал упустить из виду Анну, и это его не устраивало совершенно, несмотря на имеющуюся возможность быстрой связи с ней через браслеты.

Из опасения за сестру он вынужден был даже несколько сократить пребывание во владениях учителя, против чего тот не особо и возражал. И укрытие на крыше пристройки почти перестало пустовать. Анна или Вячеслав то и дело скрывались там от совершенно озверевших в своей настойчивости девиц.

О том, что на Анну тоже открыта охота, они узнали совершенно случайно, аккурат после дня рождения Вячеслава. Просто в один прекрасный майский день кастелянша, словно между делом, заявила, что Стрелкова достаточно подросла и отныне будет посещать не «детскую» душевую, а «девичью», расположенную на том же этаже, где находятся комнаты старших обитательниц Заднего двора, включая спальню самой Ирмы. А чтобы не бегать по этажам, она переедет на свободную койку в одной из комнат там же, все как положено.

«Как положено», да? Ничего странного? Вот только помимо Анны такой «честь» не удостоилась ни одна из ее соседок, а ведь среди них были и девчонки постарше Стрелковой. Но их оставили следить за «детским садом» дальше, а вот Анну переселили. Хотя должно было быть наоборот. По сложившейся в доме традиции, старшие из младших переезжают первыми, выбирая из подрастающих детей тех, кто будет приглядывать за малышкой вместо них до тех пор, пока не подойдет и их время для переселения. Анну этот обычай обошел стороной.

Оберегать сестру стало не в пример труднее. Вход на «девичий» этаж был закрыт для других обитателей Заднего двора чисто номинально. Но в случае Вячеслава этот запрет стал абсолютно реальным. Стоило кому-то из девиц заметить его в коридоре «их» этажа и... вариантов развития событий было только два. В первом его ласково, не забывая прижаться к парню выступающими частями тела, выпроваживали прочь. Во втором тут же пытались любыми средствами затянуть в одну из свободных в этот момент комнат. Черт! Да если бы Вячко не осознавал причин такого поведения этих совершенно раскрепощенных девиц, он бы не продержался и недели и давно кочевал бы по их комнатам и постелям. Но понимание причин их домогательств, вкуче с эмоциями, легко ощущаемыми Вячеславом, убивали в нем любое желание продолжить общение со здешними обитательницами... в другой плоскости. Ему вообще хотелось держаться от них как можно дальше, но куда деваться со двора?!

А тут еще и сестричка вдруг заявила, что ее новые соседки начали «сокращать дистанцию». Объятия, будто бы случайные прикосновения в душевой, и нескрываемые обсуждения ее почти детской фигурки... Анне пока удастся ускользать от цепких девичьих рук, но долго так продолжаться явно не может. Однажды бешеные девки до нее доберутся, причем, скорее всего, куда раньше, чем до самого Вячеслава. Обстановка вокруг Стрелковых продолжала накаляться, пока однажды котел их терпения не лопнул... с оглушительным треском!

– Анни, мама Ветки нам тортик подарила, большой, присоединишься? – заскочившая без стука в комнату черноволосая и черноглазая малявка с радостной улыбкой на лице протараторила вопрос и тут же, не дожидаясь ответа, потянула ее за руку прочь из комнаты, где Анна уединилась, чтобы почитать дневник брата, написанный им по рассказам матери, специально для занятий сестренки Эфиром. Стрелкова только и успела сунуть небольшую тетрадь под подушку, как черноволосый ураган вцепился в нее словно клещ.

В другой ситуации – например, если бы «на тортик» ее пригласила какая-нибудь из нынешних соседок, – Анна, скорее всего, отказалась бы, но это же мелкие! Мать Веты действительно частенько радовала дочку сладостями, которыми та честно делилась с соседками-подружками, и сама Анна не раз участвовала в таких посиделках младших обительниц Заднего двора, и этот раз не стал исключением.

В маленькой «детской», сейчас пустующей ввиду отсутствия совсем маленьких детей у нынешних работниц заведения, устроилась теплая компания девочек возрастом от девяти до одиннадцати лет, а перед ними на низком журнальном столике были расставлены чашки с чаем, среди которых, белоснежным айсбергом меж мелких льдин, возвышался огромный торт, который уже резала и раскладывала по тарелкам одна из приставленных к малышне девчонок постарше. Вторая же сидела чуть в стороне и, внимательно следя за порядком среди хихикающих, радующихся незапланированному празднику девочек, потихоньку прихлебывала горячий чай.

– О, Анни! – отвлекшись от нарезки торта, улыбнулась Барбара. – Рада, что ты пришла. Справиться с этим гигантом без посторонней помощи мы не сможем!

Услышав это кощунственное заявление, малышня дружно надула губы, что не осталось не замеченным старшими девочками. Барбара обвела «детский сад» строгим взглядом:

– Без вреда для желудка и фигуры, я имею в виду.

– Что ж, помощь прибыла! – Уперев левую руку в бок, Анна отставила правую ногу в сторону и, сжав ладонь правой руки в кулак, воздела его к потолку. Застыв на миг в этой пафосной позе, Стрелкова смерила хохочущих девчонок суровым взглядом и, нахмутив брови, договорила: – Где враг?! Сейчас я покажу ему истинную силу Принцессы Света!

Мульттики в доме на Заднем дворе любили все. Даже «волчата», хоть и ворчали, когда женская половина голосовала за просмотр «этой детской чепухи», нет-нет, да и косили взглядом на экран старой обшарпанной видеопанели, где очередные герои пафосно повергали Зло. Так что заход с Принцессой Света удался на все сто. Изображавшая неприступность Тилла, отгородившаяся от праздника чашкой с чаем, и та соизволила улыбнуться в ответ на выступление Анны. Ну а Барбара тут же вручила ей в награду блюдо с кусочком торта и налила большую чашку сладкого чая с лимоном. Кажется, Вета не только сласти для дочки приносила, но и в холодильник закинула кое-какие продукты из тех, что Рита считала пустым расходом средств.

Праздник удался. Малышня шушукалась о чем-то своем, изредка хихикая и смеясь над чем-то понятным только им, а «воспитательницы» вовлекли Анну в свою беседу... о мальчиках по большей части. Долго допытывались, сумел ли кто из «волчат» обойти ее цербера-брата...

– Ну, Анни, ты же теперь во взрослом крыле живешь! – докапывалась отчего-то раскрасневшаяся Барбара. – Неужто никто из мальчишек не пытался к тебе подкатить?

– Ха! Да они же братца ее как огня боятся! – чуть громче, чем обычно, проговорила Тилла. – И правильно делают, Вячик за сестренку даже Поггера порвет. У-у, Анни, как я тебе завидую-у! Он такой... такой!

– Он мой брат, Ти! – фыркнула та, взмахнув рукой и, неожиданно потеряв равновесие, еле успела ухватиться за подлокотник старого кресла. – Ой.

– Так, Стрелковой больше не наливать, – решительно тряхнув кудрями, сурово сообщила Барбара и, очевидно, чтобы убедиться в верности решения, потыкала в покачивающуюся Анну пальцем. Та захихикала от щекотки.

– Девочки, что вы мне налили? – спросила она, справившись с приступом смеха, и попыталась обвести бывших соседок по комнате мутноватым взглядом.

– Чуть-чуть бальзама в чае, – пьяно улыбнулась Тилла. – Стянули у старших.

– С-с сума... с ума сошли? – округлила глаза Анна. – Меня же Славик убьет!

– Да ладно тебе! – неуверенно отмахнулась Барбара. – Мы по капельке, он и не заметит. Или наша правильная девочка – трусиха?

– Вот еще! – гордо фыркнула та, но тут же суксилась. – Но нам та-ак достанется!

– И что он сделает, отшлепает нас? – деловито осведомилась кудрявая.

– А я бы не отказалась... – мечтательно протянула Тилла, прихлебывая чай с бальзамом.

– Извращенка, – одновременно фыркнули Анна и Барбара. Последняя еще и укусить не постеснялась: – Говорила же тебе, не подглядывай за играми Ирмы.

– Так, девчонки... – неожиданно резко рубанула ладонью воздух Стрелкова. – Мне, кажется, хватит. Пойду в свою комнату, попробую поспать. Может, успею отойти до возвращения Славика.

– Э-э... так и мы тоже тогда пойдем, – согласно кивнула Барбара. – Слышишь, Тилла? Если Вячик встретит тебя в таком виде, он точно никогда не обратит на тебя внимания!

– Да? – удивилась та и, пару раз промахнувшись, все же почесала кончик своего носа. – Это плохо. Я согласна. Но сначала нужно... эй, мелкие!

Рядом тут же нарисовалась черноволосая малявка. Тилла смерила ее долгим, совершенно пьяным взглядом и приказала:

– У вас еще час. После чего посуда должна быть вымыта, торт съеден до последнего кусочка, а в комнате чтоб было чисто, как в кабинете доктора. Ясно?

– Ага, – ухмыльнулась мелкая, и ее черные глаза сверкнули хитрым огоньком. – А вы?

– А мы ушли, – веско сообщила Барбара, обнимая пошатывающуюся Анну за талию. Стрелкова же тем временем пыталась с помощью Эфира и пары знакомых ей из дневника брата целительских техник, к которым тот сам был совершенно неспособен, но старательно записал для Анны, привести себя в порядок. Не очень-то удачно.

В голове шумело, а по телу расплзался какой-то странный жар... и томление. Вновь и вновь накидывая на себя постоянно срывающуюся технику, девочка совершенно не следила за тем, куда ведут ее бывшие соседки по комнате. И лишь упав на неожиданно широкую кровать, она вдруг сообразила, что обстановка комнаты совсем не напоминает ни ее старую, ни нынешнюю спальню. А чьи-то нежные руки тем временем принялись весьма сноровисто стягивать с нее одежду. Попытавшись сфокусировать взгляд на личности той, что уже успела стянуть с нее платье, Анна, неожиданно томно вздохнув от ощущения скользнувших по ее коже теплых ладоней, узнала Барбару... и стоящую за ее спиной и глядящую по обнаженным плечам Лотту. Сознание мутилось, и последнее, что услышала вдрызг пьяная и возбужденная девушка, прежде чем упасть в темноту о-очень неприличного сна, был грохот сорванной с петель двери и визг полураздетых девиц, которым, кажется, так и не удалось воспользоваться ее невменяемым состоянием.

Нехорошие предчувствия начали терзать Вячеслава незадолго до позднего обеда в мастерской. А когда все работники Герхарда уже собрались за столом, парень вдруг вздрогнул от накатившей на него волны эмоций, переданных браслетом... Слов было почти не разобрать, будто радиоволну забивают помехи, но то, что с сестрой произошло нечто странное, он понял моментально. Сколько они ни проводили опытов с браслетами-передатчиками, подобных фокусов никогда не наблюдалось, а значит, проблема не в них, а в состоянии мелкой.

Впрочем, называть так сестру, за прошедший год выросшую почти на голову и уже начавшую превращаться из хрупкой девочки в изящную девушку, Вячко больше не мог.

Бросив панический взгляд на учителя, уже пожелавшего работникам приятного аппетита и собравшегося уйти домой, юноша скороговоркой попросил разрешения сбегать к сестре и, получив в ответ короткий кивок и долгий испытующий взгляд, сорвался с места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.